

Нил
Стивенсон

Вирус
«REAMDE»

Нил Таун Стивенсон

Вирус «Reamde»

Серия «Додж», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6652110

Нил Стивенсон. Вирус «Reamde»: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-082727-5

Оригинал: NealStephenson, "REAMDE"

Перевод:

Екатерина Михайловна Доброхотова-Майкова

Владислав Викторович Егоров

Аннотация

«Т'Эрра»... Многопользовательская ролевая игра нового поколения с миллионами поклонников по всему миру. С каждым днем «Т'Эрра» увлекает все больше фанатов, погружающихся в захватывающий виртуальный мир, который для многих стал уже куда привлекательнее и важнее мира реального.

И успехом игры решает воспользоваться группа хакеров. Эти кибергангстеры создают уникальный вирус «REAMDE», который шифрует все данные на зараженном компьютере и требует за них выкуп...

Так начинается новый роман Нила Стивенсона – уникальный сплав научной фантастики и крепкого приключенческого романа!

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Часть 1	5
Северо-Западная Айова	5
День 0	79
День 1	132
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Нил Стивенсон

Вирус «Reamde»

Роман «Вирус "REAMDE"» – интеллектуальная пилуля, спрятанная в леденец повествования, – стоит того, чтобы классифицировать его как национальное и планетарное достояние.

«Wall Street Journal»

Нил Стивенсон – Гомер мифологии высоких технологий!

«San Diego Union Tribune»

Сюжет этого увесистого тома летит стремительно, как пуля!

«Pittsburgh Tribune»

Часть 1

Девять драконов

Северо-Западная Айова

Ферма Фортрастов

День благодарения

Ричард смотрел себе под ноги: не все коровьи лепешки замерзли, а на замерзших недолго и ногу подвернуть. Собираясь в дорогу, он ограничился ручной кладью и теперь ступал меж зеленовато-бурых кочек в легких черных кроссовках – настолько легких, что их можно сложить пополам и убрать в карман. Он мог бы с утра рвануть в «Уолмарт» за высокими ботинками на толстой подошве, но не хотелось давать родне лишний повод для разговоров, что кто-то сорит деньгами.

Десятка два его родственников, рассредоточившись вдоль колючей проволоки, стреляли в овраг. Традиция устраивать стрельбы в ожидании индейки и пирога зародилась давно, когда, вернувшись в дедушкин дом после церковной службы, они скидывали парадные костюмчики с галстуками и мчались через луг к ручью, где под присмотром двух-трех мужчин постарше выпускали пар, паля из пневматики и мелкашек. Теперь, уже сами родители, они съезжались на День

благодарения, загрузив в багажники своих джипов дробовики, охотничьи винтовки и пистолеты.

Колючая проволока заржавела, а вот столбики из маклюры были почти как новые. Сорок лет назад Ричард и его старший брат Джон поставили эту ограду, чтобы скотина не забредала в овраг. Ручей не широкий – взрослый человек запросто его перешагнет, – но коров не учат перешагивать и вообще думать головой, поэтому они вечно застревали в овражке. Зато для стрельбища место было идеальное. Лето выдалось сухим, осень – холодной, и теперь обмелевший ручей бежал под тонкой коркой льда, а из склона, когда в него попадала пуля, сыпались комья земли, что позволяло стрелкам в следующий раз прицелиться точнее. Сквозь наушники Ричард слышал голоса добровольных помощников из числа зрителей: «На три дюйма повыше. На шесть дюймов левее». Бумканье дробовиков, треск мелкашек и пых-пых-пых самозарядных пистолетов заглушались до легкого перестука специальной электроникой в наушниках – полноразмерных, с прочным корпусом и регуляторами громкости по бокам. Вчера, собираясь на встречу, Ричард вспомнил о них в последний момент.

Он поминутно вздрагивал. Низкое солнце било в стофутый ветрогенератор на поле за оврагом, и длинные тени лопастей чиркали по земле, как коса. Тень накрывала Ричарда и мчалась дальше, уступая место следующей полосе, солнце пропадало за лопастью и вспыхивало опять. Это было нов-

шество. В его молодости о существовании мира за горизонтом свидетельствовали только элеваторы, а теперь над прерией вздымались циклопические ветряки – единственный внушительный элемент здешнего пейзажа. В краю, где все остальное словно застыло в коме, крутящиеся лопасти мгновенно привлекали взгляд: казалось, они вечно прыгают на тебя из-за угла.

Несмотря на ветер, напряжение в мышцах лица – предвестье головной боли – отпустило впервые с приезда в Айову. Обычно везде, где собиралось семейство – в доме, в ближайшей гостинице, на футбольном матче во дворе, – он постоянно чувствовал на себе взгляды. Иное дело здесь, где каждый занят своим оружием и следит, чтобы дуло было направлено за колючку. Если на него и смотрели, то при коротком разговоре глаза в глаза, говоря ОТ-ЧЕТ-ЛИ-ВО, чтобы докричаться через наушники.

Младшие родственники, салаги и сопляки, обращались к нему «Дик», чего Ричард терпеть не мог, потому что так в его юности звали Никсона. Он откликнулся на имя Ричард и на прозвище Додж. За долгую поездку на машине из пригородов Чикаго, Миннеаполиса или Сент-Луиса родители наверняка рассказали детям, кто есть кто, – может, даже показали пачки фотографий и распечатки генеалогического древа. Ричард не сомневался, что, дойдя до его родословной ветви – длинной, голой, без единой развилки, – они заметно меняли тон, а выражение их лиц говорило больше, чем в этой

части страны принято высказывать словами. Все это он наблюдал сейчас на лицах юных стрелков. Некоторые избегали смотреть ему в глаза, другие смотрели чересчур смело, давая понять, что все про него знают.

Крупный мужик в камуфляже (кажется, второй муж его троюродной сестры Уиллы) протянул Ричарду переломленную дустволку двенадцатого калибра. Направив ружье и взгляд за колючую проволоку и предоставив остальным пляться на свою парку, Ричард зубами стянул с левой руки перчатку и вставил патроны в теплые стволы. В нескольких ярдах впереди, на краю обрывчика, кто-то поставил в ряд хэллоуинские тыквы. Большую их часть уже разметало кусками по сухому бурьяну. Ричард защелкнул дустволку, удобно пристроил к плечу, наклонился вперед и нажал на первый спусковой крючок. Приклад ударил в плечо, основание тыквы подпрыгнуло и задумалось, не покатиться ли вниз. Ричард нагнал его вторым выстрелом. Затем он переломил ружье, вытащил горячие гильзы, бросил на землю и с одобрительным кивком вернул дустволку хозяину.

– Много охотитесь у себя в шлоссе, Дик? – спросил парень лет двадцати с небольшим, пасынок Уиллы. Спросил громко – то ли из ехидства, то ли потому, что уши у него были заткнуты оранжевыми поролоновыми берушами.

Ричард улыбнулся.

– Совсем не охочусь. Почти все на моей странице в Википедии – неправда.

У парня вытянулась физиономия. Глаза забегали, остановились на двухсотдолларовых электронных наушниках Ричарда, затем уперлись в землю, словно проверяя, нет ли там коровьих лепешек.

В последнее время на его странице в Википедии царило затишье, однако в прошлом там бушевала война правок между загадочными субъектами, известными только по IP-адресам, – все они стремились подчеркнуть те факты из жизни Ричарда, которые сам он находил хоть и формально верными, но полностью несущественными. По счастью, это происходило в то время, когда отец уже не мог держать мышку, хотя младшие Фортрасты, разумеется, читали все.

Ричард развернулся и пошел назад. Он никогда особенно не любил гладкостволки. Им был отведен дальний конец цепочки. На ближнем конце, рядом с кое-как припаркованными джипами, компания детишек лет восьми – десяти, в плотном полукольце бдительных взрослых, увлеченно палила из однозарядных мелкашек.

Прямо перед Ричардом стояли пятеро ребят лет двадцати, рядом с ними увивались двое подростков. В центре внимания находилась армейского вида штурмовая винтовка – без дерева, без камуфляжа, без каких-либо претензий, что она предназначена для охоты. Винтовка принадлежала Лену, двоюродному племяннику Ричарда, сейчас – студенту-энтомологу Университета Миннесоты. Красными обветренными руками Лен держал пустой тридцатизарядный магазин.

Ричард, вздрагивая каждый раз, когда у него за спиной бухал дробовик, наблюдал, как Лен втолкнул в рожок три патрона и протянул его парню, державшему винтовку, после чего принялся терпеливо объяснять, как вставить магазин, отпустить затворную раму и сдвинуть предохранитель.

Ричард повернулся к ним спиной и увидел компанию людей постарше: некоторые отдыхали на складных стульчиках с камуфляжными сиденьями, другие стреляли из больших и старых охотничьих винтовок. Они выглядели благожелательнее молодежи, но Ричард чувствовал – а может, в нем говорила мнительность, – что им будет спокойнее, если он пройдет мимо не останавливаясь.

Ричард приезжал на общий сбор не чаще чем раз в два-три года. Возраст и обстоятельства подарили ему приятную возможность стать специалистом по семейной генеалогии. Это он составил семейное древо, копии которого рассматривали мамы в джипах. Если бы Ричард мог собрать их всех на несколько минут в кружок и рассказать кое-что о людях, которые палили сейчас вдоль ограды, и о том, сколько у них стволов – речь, разумеется, не о «глоках» и автоматах, а о несамозарядных револьверах, «М-1911» и рычажных винтовках под винчестерный патрон, – они бы поняли, что его прошлое, даже если оно им не по душе, куда ближе к семейным традициям, чем их нынешний образ жизни.

Но чего он вообще так заводится?

За этими мыслями Ричард набрел на компанию молоде-

жи, стрелявшую из пистолетов.

Чем-то – трудно сказать, чем именно, – эти ребятаки разительно отличались от тех, что толпились вокруг Лена. Они из города. Из большого города, наверное, на побережье. Скорее всего на Западном. Не из Лос-Анджелеса. Где-нибудь между Санта-Крусом и Ванкувером. Длинноволосый парень, упакованный для защиты от айовских морозов в пять слоев флиса и ветровку, татуированными руками держал перед собой «глок-17» и с расстояния в сорок футов сосредоточенно всаживал пулю за пулей в пластиковую бутылку из-под молока. За ним стояла девушка с волосами и кожей темнее, чем у всех остальных на семейном сборище, в больших очках, которые Ричард называл про себя очками «Поколения Икс», хотя сам термин «Поколение Икс» уже безнадежно устарел. Девушка лучилась счастьем. Она явно влюблена в парня с пистолетом.

Эта эмоциональная открытость гораздо больше, чем одежда или прически, выдавала в них чужаков. Здешние края метили своих уроженцев привычкой держать чувства при себе, въедавшейся, как татуировка. Отчужденность Ричарда успела довести до белого каления с полдюжины его подружек, прежде чем он научился хоть как-то ее преодолевать. Однако при необходимости он всегда мог опустить ее на лицо как забрало.

Девушка повернулась к нему и вскинула розовые перчатки в жесте, который у мужчин означает «Гол!» а у женщин

«Я тебя сейчас обниму!». Она что-то говорила, но наушники, заглушавшие грохот девятимиллиметрового калибра, пропускали только обрывки слов.

Ричард опешил.

На лице девушки, осознавшей: «Он меня не узнает», начало проступать ошеломленное выражение. И тут, благодаря этому самому выражению, Ричард узнал ее и по-настоящему обрадовался.

– Сюю! – воскликнул он и немедленно (все-таки иногда полезно быть историком семьи) поправился: – Зула!

Через секунду Ричард уже ласково ее обнимал. Под всеми слоями одежды она была все такая же худенькая, как прежде. Хотя сильная. Зула встала на цыпочки, чтобы прижаться щекой к его щеке, потом разжала руки и опустила на толстые подошвы утепленных зимних ботинок.

Ричард знал о ней все – и ничего. Ей, должно быть, лет двадцать пять. Колледж закончила года два назад. Когда они последний раз виделись?

Наверное, еще во время ее учебы. А значит, за те несколько лет, что Ричарду было недосуг про нее вспомнить, Зула прожила целую жизнь.

В ту пору она практически сводилась для него к своей предыстории: эритрейская сирота, вывезенная церковными миссионерами из лагеря для беженцев в Судане, удочеренная сестрой Ричарда Патрисией и ее мужем Бобом (вскоре слинявшим из семьи), вновь осиротевшая после внезапной

смерти Патрисии. Заново удочеренная Джоном и его женой Элис уже перед колледжем.

Ричард попытался вспомнить, что писали Джон и Элис в последних рождественских письмах. Зула училась где-то неподалеку – в Айовском университете? Чему-то практическому – у нее диплом инженера. Нашла работу, куда-то переехала.

– Классно выглядишь! – выдавил он, потому что пора уже было что-нибудь сказать, а фраза представлялась достаточно безобидной.

– Ты тоже, – ответила она.

Ричард немного смутился – уж слишком очевидной была лесть. Лет сорок назад они с приятелями катили куда-то по местной дороге и оказались в хвосте у медленно ползущего фермерского грузовичка. Кто-то из ребят (вероятно, не без помощи наркоты) заметил сходство – которое, раз обнаруженное, уже невозможно было отрицать – между широкой кирпичной физиономией Ричарда и задницей красного пикапа. Отсюда прозвище Додж. Он все ждал, когда приобретет благообразную величавую внешность пожилого мужчины на идиллической рыбалке с рекламы лекарств от простатита, а вместо этого видел в зеркале сильно расплывшуюся, в пигментных крапинках, версию себя тридцатипятилетнего. А вот Зула и правда выглядела великолепно. Негритянско-арабский тип с явной примесью итальянского. Крупный нос, который в других семьях и в других обстоятельствах по-

шел бы под скальпель, однако Зула поняла, что он – особенно в сочетании с большими очками – смотрится эффектно. За модель ее никто не принял бы, однако свой образ она нашла. Ричард мог только догадываться, какого рода феромоны вырабатывает стиль Зулы для ее сверстников; ему она виделась таким межпланетным библиотекарем, девушкой-гиком, умненькой и привлекательной, но не до такой степени, чтобы почувствовать к ней что-нибудь недолжное.

– Это Питер, – объявила Зула. Ее бойфренд как раз опустошил магазин «глока». Ричард с одобрением отметил, что молодой человек проверил патронник, выщелкнул магазин и еще раз передернул затвор, прежде чем переложить пистолет в левую руку, освобождая правую для рукопожатия. – Питер, это мой дядя Ричард. Вообще-то он живет совсем близко от нас!

– В Сиэтле? – спросил Питер.

– У меня там квартира, – промямлил Ричард, умирая от стыда: его племянница живет в Сиэтле, а он и не знал. Что подумают родственники? – Последние годы я больше времени провожу в Элфинстоне, – добавил он в свое оправдание и на случай, если Питеру это ничего не говорит, уточнил: – В Британской Колумбии.

Однако лицо Питера уже зажглось интересом.

– Говорят, там отличные склоны для сноуборда!

– Понятия не имею, – ответил Ричард. – Но все остальное там очень даже ничего.

Зула тоже умирала со стыда.

– Прости, что я с тобой не связалась! Это было у меня в списке.

У большинства людей такая фраза была бы просто вежливой отговоркой, но Ричард знал, что у Зулы и впрямь есть самый настоящий список, в котором одним из пунктов значится: «Позвонить дяде Ричарду».

– Это мое упущение, – сказал он. – Надо было устроить тебе торжественную встречу.

Пока они заряжали, Зула рассказала про свою жизнь. Она окончила Айовский университет с двумя дипломами – по программированию и по геологии, четыре месяца назад приехала в Сиэтл и устроилась в молодую компанию, которая намеревалась строить опытную геотермальную станцию рядом с горой Рейнир – вулканическим ружьем, нацеленным в голову Сиэтла. Зуле предстояло заниматься компьютерным моделированием подземных тепловых потоков. Ричарду приятно было слышать от нее умные словечки, наблюдать, как мозги Зулы работают над тем, для чего созданы. В студенческие годы она была застенчивая, немножко слишком натурализованная, немножко слишком непритязательная. Усредненная американская девушка по имени Сю, у которой в официальных документах почему-то стоит «Зула». Теперь она в большей мере стала собой.

– Так что случилось? – спросил Ричард. Зула старательно употребляла прошедшее время: «намеревалась», «планиро-

вала».

– Когда я приехала, там уже царил полный хаос. – На лицо Зулы, когда она это говорила, занято было смотреть. У ребенка, которого вывезли из Эритреи в Айову, должны были сложиться любопытные представления о полном хаосе. – Какая-то ерунда с хеджевыми фондами, что-то вроде финансовой пирамиды. Месяц назад компания начала процедуру банкротства.

– Ты безработная, – уточнил Ричард.

– В каком-то смысле да, – ответила Зула и улыбнулась.

Теперь у Ричарда появился новый пункт в его списке, который в отличие от списка Зулы представлял собой постоянно носимую в голове мешанину из неопределенных намерений, грызущих тревог и смутно осознаваемых кармических долгов. «Устроить Зулу в Корпорацию-9592». Был даже вполне убедительный предлог, чтобы ее пригласить. Трудность состояла в другом: как помочь Зуле, чтобы другие на семейном сборище не сочли его ходячей ярмаркой вакансий.

– Что ты знаешь про магму? – спросил он.

Зула полуобернулась и взглянула на него искоса.

– Больше тебя, наверное.

– Ты умеешь моделировать тепловой поток. А движение магмы?

– Квалификации хватит.

– Тензоры? – Ричард понятия не имел, что такое «тензоры», но много раз слышал это слово от математиков – обыч-

но оно звучало на этапе перехода от общих фраз к чему-нибудь более практическому.

– Типа того, – ответила Зула нервно, и Ричард понял, что сморозил глупость.

– Для нас по-настоящему важно, чтобы все было правильно.

– Для *игровой компании*?

– Да, для моей игровой компании, входящей в первые пять сотен по версии «Fortune»¹.

Зула так и застыла вполоборота, пытаясь понять, не прикалывается ли над ней Ричард.

– Речь о стабильности финансовых рынков.

Зула явно не готова была купиться.

– Поговорим позже. У тебя есть знакомые с расстройствами аутического спектра?

– Да! – Теперь Зула смотрела прямо ему в лицо.

– Ты могла бы с такими работать?

Зула указала глазами на своего парня.

У Питера не получалось зарядить магазин. Он пытался вставить патрон задом наперед. Ричард уже с полминуты думал, как бы тактично об этом сказать, но тут Питер сообразил сам и развернул патрон правильно.

По тому, как Питер держал «глок», Ричард решил, что ему это не в новинку. Теперь он понял, что Питер, видимо, впер-

¹ «Fortune 1000» – список самых крупных компаний США по версии американского журнала «Fortune». – Примеч. ред.

вые взял в руки пистолет. Однако он быстро осваивает новую технику. Самоучка по жизни. Может разобраться во всем, что логично и подчиняется правилам. И знает это. Не стал просить о помощи. Куда быстрее дойти своим умом, чем мучиться, слушая бестолковые объяснения, и вступать с объясняющим в эмоциональный контакт. Определенно есть что-то, что Питер умеет лучше всех. Что-то техническое.

– А ты что подделывал, дядя Ричард? – весело спросила Зула. Она, может, и научилась быть собой, но для таких случаев держала про запас крошку Сью.

Ответ «дождался рака» был бы чересчур честным. Если сказать «вел безнадежную позиционную войну с клинической депрессией», возникнет впечатление, что он в депрессии *сейчас*, что неправда.

– Тревожился из-за смещения палитры, – сказал Ричард.

Питеру и Зуле странным образом понравился его неответ. Видимо, так в их представлении и должен вести себя мужчина за пятьдесят. А может, Зула уже рассказала Питеру все, что знает или подозревает о Ричарде, и оба разумно предпочитают не лезть с расспросами.

– Вы летели через Сиэтл? – спросил Питер, чересчур быстро переходя к спасительной теме авиаперелетов.

Ричард мотнул головой.

– Доехал на машине до Спокана. Это часа три-четыре, в зависимости от того, сколько снега и долго ли придется стоять на границе. Оттуда прямой рейс до Миннеаполиса. Там

я арендовал большой американский автомобиль и приехал на нем сюда.

Он кивнул в ту сторону, где бордовый «меркьюри-гранд-маркиз» заслонял шестую часть зодиакального круга.

– Здесь ему самое место. – Питер повел глазами в сторону фермы, затем невинно глянул на Ричарда.

Тот отреагировал на шутку сложнее, чем мог бы догадаться Питер. С одной стороны, приятно, что ребятаки приняли его в игру, с другой – Ричард вырос на этой ферме, и такое отношение к ней его слегка резануло. Он подозревал, что они уже запостили сообщения в «Твиттер» и «Фейсбук» и хипстеры в кафешках Сан-Франциско в эту самую минуту выстукивают «бу-га-га» и «жесть» под фотографиями Питера с «глоком».

Тут он услышал голос одной из своих «бывших», упрекающий, что ему еще рано становиться таким старым занудой.

Немедленно подключился второй женский голос и напомнил, что колоссальный «гранд-маркиз» арендован из *иронических* соображений.

«Бывшие» Ричарда давно исчезли с горизонта, но их голоса преследовали его постоянно и говорили с ним, словно музы или фурии – как если бы семь Супер-Эго выстроились расстрельной командой перед одним несчастным Ид², чтобы

² Ид – в психоанализе одна из трех структур личности, включающая в себя все заложенное в человеке изначально – наследственность и инстинкты. – Примеч. ред.

не дать ему с удовольствием выкурить последнюю сигарету.

Питер и Зула, наверное, подумали, что Ричард на время потерял нить разговора, – первый признак старческого маразма. Ну и ладно. В магазинах было столько патронов, сколько можно засунуть задубевшими пальцами. Зула, потом Ричард по очереди постреляли из «глока». К тому времени как они закончили, пальба вдоль колючей проволоки уже почти стихла. Боезапас кончался, народ замерз, дети ныли, оружие пора было чистить. Складные стулья отправлялись в багажники джипов. Зула упорхнула к своим кузинам, и теперь они с повизгиванием висли друг у друга на шее. Ричард нагнулся, что в последнее время было несколько труднее обычного, и начал собирать гильзы. Краем глаза он видел, что Питер последовал его примеру, но скоро бросил, не желая далеко уходить от Зулы. Болтать со стайкой ее кузин парень не хотел, оставлять ее одну – тоже. Его голова постоянно поворачивалась туда, куда перемещалась Зула. Такая бдительность и радовала, и огорчала Ричарда, который не стыдился слегка приревновать.

Питер глянул через поле на дом, отвел глаза и снова повернулся, чтобы посмотреть внимательнее.

Он знает. Зула сказала ему, что случилось с ее приемной матерью. Может, Питер даже залез в Гугл и проверил. Вероятно, ему известно, что в год от удара молнии гибнет пятьдесят – шестьдесят человек и что Зуле тяжело об этом говорить: большинству такая смерть представляется чересчур

нелепой – им проще думать, что она шутит.

* * *

«Гранд-маркиз» заблокировал выезд джипу с замерзшими мамами и детьми, поэтому Ричард, радуясь предложению уйти, быстро двинулся к машине. Проходя между Питером и Зулой, он негромко объявил: «Я в город», – что означало: «еду в “Уолмарт”», – и забрался в огромный «меркьюри». Он услышал, как открывается задняя дверца, увидел, как Питер и Зула садятся на мягкий диван. Пассажирская дверь тоже открылась, и в машину плюхнулась еще одна девица лет двадцати пяти. Имя ее Ричард должен был знать, но забыл. Надо будет по дороге как-нибудь выяснить.

У юных весельчаков много чего нашлось сказать про «гранд-маркиз»; они заценили шутку и решили, что Ричард – классный. Девица на переднем сиденье объявила, что никогда не сидела «в такой машине», подразумевая, очевидно, седан. Ричард почувствовал себя не просто стариком, а доисторической окаменелостью.

Минут пять ребятки щебетали, перекидываясь фразами, потом умолкли. Питер явно не рвался выкладывать сведения о себе. Ричарда это вполне устраивало. Люди, у которых есть визитные карточки с названием должности, легко могут рассказать про свою работу, но тем, кто занимается чем-нибудь умным дома за компьютером, пускаться в долгие объяснения

чисто для поддержания разговора – себе дороже. Лучше уж сразу про авиаперелеты.

Закоченевшие руки и ноги вытягивали из мозгов всю энергию. За окнами тянулся вымороженный пейзаж – Западная Айова. Люди из других краев, пересекая штат, обычно не видят разницы между западом и востоком – или между Огайо и Южной Дакотой. Однако Ричард здесь вырос, он много раз отправлялся в индейские вылазки или пиратские экспедиции вдоль ручья, поэтому чувствовал градиент местности и понимал, что они на границе Среднего Запада и Запада, как будто по одну сторону ручья ты сгребашь с черной земли прелую листву, слушая по транзистору футбол, а по другую – вытаскиваешь из шапки стрелы.

Был и градиент в направлении север – юг. На юге – Миссури и Канзас, куда часть Фортрастов (согласно его исследованиям) бежала во время Войны Севера и Юга, спасаясь от эскадронов смерти и террористов. На севере – особенно в такой день – почти видишь развернутые к полюсу плечи земли. На этой широте Фортрасты, рванувшие на север, почувствовали забирающийся под одежду морозец и решили остановиться. Здесь они и пустили корни – не как старые ореховые деревья у ручья, а как ежевика или одуванчики, которые, стоит одному семечку зацепиться, покрывают все плотным ковром.

«Уолмарт» напоминал звездолет, приземлившийся на соевом поле. Ричард проехал мимо той части магазина, где тор-

говали продуктами, мимо аптеки и оптики и припарковался возле промтоварного ангара. Парковочные места тут были рассчитаны на полноразмерные пикапы, что для него сейчас имело немаловажное значение.

Они вошли. Ребятишки сбились с шагу и затормозили. способность иронизировать, заменявшую им душу, наглухо вырубил сверхмощный внешний сигнал. Ричард шел вперед не останавливаясь – у него была цель. Он вроде бы придумал, как помочь сборищу, не вляпавшись ни в одну из коровьих лепешек, подстерегающих на этом пути.

Он шел, пока не добрался до отдела, где все вокруг было камуфляжным или ядовито-оранжевым. Вышел старик в синей жилетке и уперся морщинистыми руками в витрину, словно хозяин салуна на Диком Западе. Ричард ответил на его дежурное приветствие и сказал, что хочет купить три коробки натовских патронов калибра 5,56 миллиметра. Продавец кивнул и повернулся к витрине, в которой был выставлен по-настоящему крутой товар. Сзади на жилетке у него был изображен желтый смайлик, который на сгорбленной старческой спине выпирал почти полушарием.

– Лен выдавал по три патрона, – объявил Ричард догнавшим его ребятишкам. – Все хотят пострелять из штурмовой винтовки, но никто не покупает патроны. Пять пятьдесят шесть довольно дороги, потому что все маньяки убеждены, что их скоро запретят.

Продавец аккуратно выставил на стеклянный прилавок

три тяжелые коробки, достал из пластмассовой кобуры пистолет для считывания штрих-кодов и чикнул по каждой: три нажатия на спуск, три прямых попадания. Прозвучала внушительная сумма. Ричард вытащил бумажник. Племянница или троюродная сестра (по дороге так и не выяснилось, как ее зовут) заглянула в объемистое нутро из дорогой кожи так беспардонно, что Ричарду захотелось просто вручить ей бумажник. Она удивилась, увидев лицо королевы Елизаветы и цветные картинки с изображением хоккеистов. Ричард не сообразил поменять деньги, а теперь оказался в таком месте, где нет обменника. Он заплатил дебетовой картой.

– Давно вы переехали в Канаду? – спросила девица.

– В семьдесят втором.

Продавец сверкнул на него бифокальными очками: «От призыва косил!»

Ни у кого из молодых такой ассоциации не возникло. Интересно, они вообще знают, что в их стране когда-то был призыв и от него косили?

– Пожалуйста, введите ПИН-код, мистер Форрест, – сказал продавец.

Ричард, как многие уехавшие, произносил свою фамилию с ударением на последнем слоге, но отзывался и на здешнее «Фóрттраст» и даже на «Форрест».

К тому времени как они добрались до выхода, он решил, что «Уолмарт» похож не столько на звездолет, сколько на межпространственный портал, связывающий все «Уолмар-

ты» в известной вселенной, и, пройдя через стеклянные двери, они могут оказаться в Уичите или Покателло, однако вышли они по-прежнему в Айову.

– А почему вы переехали? – спросила племянница-кузина на обратном пути. Она говорила с гнусавой растяжкой, которой были заражены большинство здешних девиц и от которой стремительно избавлялась Зула.

Ричард глянул в зеркало заднего вида: Питер и Зула обменялись выразительными взглядами.

«Киса, ты когда-нибудь слышала про Википедию?!»

Вместо того чтобы объяснить, отчего переехал, Ричард сказал, чем там занялся:

– Я работал проводником.

– У охотников?

– Нет, я не охотник.

– Мне просто интересно, откуда вы столько знаете про оружие.

– Потому что я здесь вырос, – ответил Ричард. – А в Канаде многим из нас приходилось носить оружие по работе. Там это труднее. Надо пройти курсы, состоять в клубе и все такое.

– А почему вы носили оружие, если...

– Если мы не охотились?

– Да.

– Гризли.

– На случай если он нападет?

– Верно.

– И тогда надо было стрелять в воздух, чтобы напугать?

– В сердце. Чтобы убить.

– А такое случилось?

Ричард снова глянул в зеркало заднего вида, надеясь послать телепатический сигнал: «Бога ради, отвлеките ее», – но Питер и Зула слушали с заинтересованным видом.

– Да, – сказал Ричард. Ему хотелось соврать, однако на сборище это бы все равно потом выплыло.

– У деда в комнате есть медвежья шкура, – подала голос Зула.

– Она настоящая? – изумилась девица.

– Ну конечно, настоящая, Викки! А ты думала – синтетическая?

– Так вы убили гризли, дядя Дик?

– Я выпустил в него две пули, пока мой клиент восстанавливал подзабытые навыки лазанья по деревьям. Вскоре после этого медведь перестал дышать.

– И вы его освежали?

«Нет, он любезно выскочил из шкуры, прежде чем испустить дух». Ричарду было все труднее бороться с искушением ответить резкостью. Только Музы-Мстительницы его и останавливали.

– Я на себе перетаскил шкуру через границу, – услышал он свой голос. – Вместе с черепом и прочим она тянула примерно на половину моего тогдашнего веса.

– А зачем?

– Потому что это незаконно. Не в смысле убивать медведя: убить можно, если ради самозащиты, – но тушу надо передать властям.

– Почему?

– Потому что, – сообразил Питер, – иначе люди начнут стрелять медведей ради трофеев и говорить, будто защищались.

– А далеко было нести?

– Двести миль.

– Ух, видно вам здорово хотелось ее заполучить!

– Да нисколько.

– А зачем же вы несли ее двести миль?

– Потому что ее хотел заполучить клиент.

– Я совсем запуталась! – посетовала Викки, как будто всех здесь заботило ее эмоциональное состояние. – Вы сделали это для клиента?

– Наоборот! – с легкой досадой вмешалась Зула.

Питер сказал:

– Минуточку. Медведь напал на вас и на вашего клиента...

– Историю рассказываю я! – оборвал Ричард, поднимая руку. Он не собирался ее излагать – вообще надеялся, что она не всплывет, – однако это была его единственная история о себе, которую можно рассказать в приличной компании, и коли уж до этого дошло, он не намеревался уступить свое

право. – На медведя залаяла собака клиента. Побеспокоила бедного мишку. Он поднял ее зубами и начал трясти, как белку.

– Это был пудель или типа того? – спросила Викки.

– Восьмидесятифунтовый золотистый лабрадор, – ответил Ричард.

– Мамочка родная!

– Ну вот примерно это же я себе и сказал. Когда лабрадор перестал дергаться – что произошло довольно быстро, – медведь отбросил его в кусты и двинулся на нас, словно говоря: «Если у вас есть что-нибудь общее с этой вонючей псиной, то вы покойники». Так дело и дошло до стрельбы.

Питер фыркнул над формулировкой.

– Именно: никакого героизма. Подходящее дерево было только одно, а клиент карабкался не то чтобы слишком резко. Я к тому, что мы не могли разом взобраться на дерево. И даже лошадь не убежит от гризли. У меня в руках ружье с жаканами. Что делать?

Молчание, пока все трое обдумывали риторический вопрос.

– С жаканами? – спросила Зула, переключаясь в инженерный режим.

– Такая специальная пуля под дробовик двенадцатого калибра. В общем, я держу в руках фирменную двустволку Элмера Фадда, снаряженную аккуратно для этого дела. Меня основательно трясет, так что я для упора встаю на колено и

луплю с обоих стволов. Медведь убежал. Мы нашли его ярах в двухстах от лагеря, уже мертвого. Клиент захотел шкуру. Я сказал, что это незаконно. Он предложил мне деньги. И я начал свежевать. Ушло несколько суток. *Отвратное* занятие. Домашний-то скот забивать не подарок, потому мы в Айове и выписываем для этого мексиканцев, – говорил Ричард, постепенно заводясь, – так вот медведь еще хуже. Он *воняет*. – Ясно было, что его слушателям все равно не понять. – Практически разит рыбой. Как будто ты испулся в его гормонах.

Викки передернуло. Ричард подумывал рассказать, какого размера у гризли яйца, но понял по ее лицу, что не стоит перегибать палку.

Вообще-то он собирался ободрать шкуру кое-как, однако, на свою беду, начал с когтей. И сразу вспомнил читанные в детстве книжки про индейцев: как сиу при посвящении в воины убивали медведя и делали из его когтей ожерелье. Мальчишки его поколения относились к такому серьезно: Ричард знал про Бешеного Коня не меньше, чем школьники былых поколений – про Цезаря. Так что ритуал следовало исполнить целиком. Начав с когтей, он все никак не мог выбрать момент, чтобы просто покровсать тушу.

– Чем дольше я с ней возился, тем меньше мне хотелось отдавать ее клиенту, – продолжал Ричард. – Ему прямо свербело ее получить. Я там по уши в кровище, отбиваюсь от ос, а он подходит вразвалочку глянуть, большая ли шкура, и все

такое. Я чувствовал: он уже видит ее на полу своего офиса или квартиры. Брокер из Нью-Йорка. Наверняка бы рассказывал, как сам завалил медведя, пока струхнувший проводник карабкался на дерево. Мы поспорили. Я сваял дурака, потому что уже крепко влип и меня ничего не стоило прижать. Клиент пообещал, что, если я не отдам шкуру, он настучит и меня вышибут с работы. Я послал его в задницу, взял шкуру и пошел. Ключи оставил ему в машине.

Молчание.

– Мне не так уж нужна была эта шкура, – объяснил Ричард, – просто я не хотел, чтобы он ею хвастал.

– Вас уволили?

– Да. И лицензию отняли.

– И чем вы занялись, когда потеряли работу?

«Стал по проторенной дорожке носить через границу анашу».

– Да так, разным.

– Ммм... надеюсь, оно того стоило.

«Еще как!»

Они подкатали к ферме. Вся подъездная дорога была заставлена джипами, так что Ричард, злоупотребив правом выросшего в этом доме, поставил «гранд-маркиз» на жухлой траве у самого крыльца.

Выбираться из машины с такой низкой посадкой все равно что вылезать из собственной могилы. Ричард поймал Питера на том, что он оглядывает двор – пытается сообразить, где была натянута роковая веревка.

Ричард даже подумал, не стать ли ему Вергилием – не рассказать ли прямым текстом все, что пареньку предстоит мучительно собирать по частям, если их с Зулой отношения – надолго. Он промолчал, но в голове слова звучали. Если можно смотреть мысленным взором, то сейчас говорил его мысленный рот.

Бугорок, окруженный кольцом заледенелых поганок, словно чирей из какого-то нижнего братьягриммовского слоя, силился пробиться через дерн. «Вот что осталось от старого дуба. Веревка шла от него к дому – видите, вот здесь, сразу за трубой, скоба. Мама умирала. Болезнь у нее была такая, при которой надо часто менять постельное белье. Я предложил съездить в город и купить еще простыней в «Джей-Си-Пенни» – был такой прото-«Уолмарт». Патрисия возмутилась. Как будто я сказал, что она плохая дочь. Машина как раз достигала очередную порцию, а сушилка еще работала, и Пэт развесила простыни на улице. День выдался такой, когда чувствуешь, что будет гроза. Мы все сидели у маминой постели и пели церковные гимны, и тут гром за-

грохотал по прерии, как бильярдные шары. Пэт бросилась на улицу, чтобы снять простыни до дождя. Мы все слышали молнию, которая ее убила. Словно десять брусков динамита жахнули прямо за окном. Электричество вырубилось, мама проснулась, в первые минуты никто ничего не понял. Потом Джейк выглянул в окно и увидел Пэт на траве. Уже и под простыней. Маме мы так ничего и не сказали. Долго было бы объяснять. Под вечер она впала в забытие и на четвертые сутки умерла. Мы похоронили их вместе».

Ричард ошалело затряс головой. Невозможно поверить, что непогода и сейчас кого-то убивает. Люди, слыша эту историю, непременно отпускают какое-нибудь замечание, иногда даже невольно смеются. Ричард одно время подумывал основать в Интернете группу взаимной поддержки для тех, у кого близких убило молнией. Все было будто из книжки, как если бы семья вырастила собственного писателя или рассказ подхватил некий бродячий айовский бард. Тем не менее история эта – собственность Зулы, ей и решать, когда и с кем делиться.

Она, слава Богу, была в скаутском лагере, так что ее смогли привезти домой и осторожно, в присутствии детского психолога, рассказать, что она на двенадцатом году жизни повторно осиротела.

Через несколько месяцев беглый муж Патрисии, Боб, внезапно прорезался и сделал вялую попытку не дать Джону и Элис удочерить Зулу. А потом исчез так же внезапно, как

появился.

Зула провела остаток детства в этом доме, на попечении у Джона и Элис, и выросла совершенно нормальной девушкой. Ричард как-то читал статью, что дети, прошедшие через ад, полностью выправляются, если в нужный момент кто-нибудь старший возьмет их под крыло. Видимо, Зула протиснулась в эту щелочку. За четыре года от удочерения до удара молнии Патрисия успела передать ей что-то, за что она дальше могла держаться.

Ричард так и не женился, а Джейк, младший братишка, стал тем, кем стал: это началось вскоре после того, как он выглянул в окно и увидел мертвую сестру под дымящейся простыней. В итоге такого сочетания смертности и демографии Элис оказалась не просто старшей, но и единственной взрослой женщиной в семействе Фортраст. Они с Джоном вырастили четверых детей, однако именно потому, что в них столько вложили, все четверо перебрались на серьезную работу в большие города (извечная трагедия Айовы – лучшая молодежь вынуждена бежать из штата, чтобы найти себе занятие по способностям). Вместе с сознанием безответственности оси Ричард – Джейк это породило у Элис квазипостоянное чувство обиды на мужскую часть семьи и привело к вялотекущей окопной войне. Элис как фельдмаршал одной из сторон считала нужным вербовать всю родню вплоть до самой дальней. Джон вольно или невольно помогал ей – например, поддерживал традицию стрельб, хоть немного скра-

шивавших мероприятие для родственников-мужчин. Однако главная работа, как запоздало осознал Ричард, происходила на кухне и не имела ничего общего с готовкой.

Это, впрочем, не означало, что мужчинам возбраняется внести свою лепту.

Ричард отыскал «субару» Лена, оставил коробки с патронами на водительском сиденье и вернулся в дом через редко используемую парадную дверь, которая вела в редко используемую гостиную, сейчас наполненную народом. Впрочем, больше половины стрелков разъехались по мотелям отдыхать и мыться, так что пройти было можно. Кто-то из молодых родственников предложил забрать и повесить его парку. Ричард вежливо отказался, потом охлопал нагрудный карман, убеждаясь, что конверты на месте и молния застегнута.

Пять племянников (словом «племянник» обозначались все родственники младше сорока) развалились на диванах и креслах и тыкали в ноутбуки, перекачивая друг другу фотки. На экранах мелькали яркие картинки, создавая забавный и грустный контраст десятку семейных снимков, отпечатанных по средневековой технологии, тщательно обрамленных и развешанных по стенам комнаты.

Ухо Ричарда уловило имя Джейк. Он повернулся и увидел, что кухня постарше разглядывает годичной давности снимок Джейка с семейством. Фотография выглядела обманчиво нормальной, как будто Джейк, пославший лесом все законы современной американской жизни, в одном

остался как все: не сняться с Элизабет и тремя мальчиками он попросту не мог. Запечатлел всех пятерых, наверное, какой-нибудь член их сектантской общины, фотограф-любитель, а рамку из бересты смастерили мальчики своими руками. С виду семейство ничем не отличалось от обычных людей; истинного Джейка выдавали только мелочи вроде бороды, как у пехотинца армии конфедератов.

Женщина спросила, почему Джейк с семьей никогда не приезжает на общий сбор.

Ричард знал: когда речь заходит о Джейке, надо быстро перехватить инициативу и представить младшего братишку вменяемым человеком, пока кто-нибудь не выставил его психом и не возникла неловкость.

– После одиннадцатого сентября Джейк не летает самолетами, потому что в аэропорту надо предъявлять документы, – объяснил Ричард. – Он считает это неконституционным.

– На машине-то он хоть иногда приезжает? – осторожно полюбопытствовал кто-то из свояков. В голосе слышалась тень иронии.

– Водительских прав он тоже не признает.

– Но машину-то он должен водить? – спросила женщина, которая начала разговор. – Мне кто-то сказал, что он плотник.

– В той части Айдахо, куда перебрался Джейк, можно ездить без прав, – сказал Ричард. – У него взаимопонимание с

местным шерифом, которое не распространяется на другие части штата.

Он даже не стал рассказывать, что номера на свою машину Джейк тоже отказывается ставить.

Ричард совершил быстрый налет на окраины кухни, схватил пару печенюшек и сбежал, оставив женщинам тему для обсуждения. Затем направился туда, где в его детстве было заднее крыльцо. Не так давно там оборудовали круглосуточный медицинский стационар марки «холостяцкая берлога» для их отца.

Отец – по документам Николас Фортраст, девяноста девяти лет от роду, известный сборищу как «дед», – покоем на полулежачем кресле в комнате, где каждому с порога бросалась в глаза огромная медвежья шкура. Ричард почти чувствовал, как из нее сочатся вышеупомянутые гормоны. Когда в 2002-м перестроили крыльцо, Элис первым делом отнесла туда шкуру. В качестве символа наследственной доблести Фортрастов медвежий ковер дополнял отцовскую медаль Почета на стене позади кресла (в рамке под стеклом, как пристало высшей воинской награде страны). В углу внушительных размеров кислородный баллон соперничал за электророзетки и место на полу с аппаратом для гемодиализа. Очень старый ламповый телевизор в тумбе орехового дерева служил постаментом пятидесятичетырехдюймовой плазменной панели, где сейчас показывали профессиональный футбольный матч с выключенным звуком. На месте второ-

го пилота по правую руку от отца в чуть менее треноподобном кресле возлежал Джон – и.о. семейного патриарха, на шесть лет старше Ричарда. Несколько племянников, устроившись по-турецки на ковре, увлеченно следили за игрой. Какая-то из сестер Карденас (видимо, все-таки Розы) суежилась рядом с креслами: записывала на планшетах непонятые числа, складывала белье – иными словами, готовилась поручить отца Джону, чтобы отметить День благодарения в собственной семье.

С тех пор как отец обзавелся всеми этими периферийными устройствами – внешней почкой, внешним легким, – он превратился в довольно сложный механизм вроде навороченного агрегата для аргонодуговой сварки, с которым в одиночку не справишься. Джон, вернувшийся из Вьетнама без обеих ног ниже колена, отлично разбирался в протезах: он прочитал все инструкции, так что мог на какое-то время заменить сиделку. Один на один с Ричардом отец не протянул бы и двенадцати часов, и тому приходилось участвовать в процессе более хитрым способом. Он стоял, засунув руки в карманы, и притворялся, будто следит за игрой, пока Розы не двинулась к выходу. Ричард нагнал ее на пандусе, ведущем к отцовскому мини-фургону, оборудованному лифтовым подъемником, как аттракционы Доктора Сьюза.

– Я провожу вас до машины, – сказал Ричард, и Розы улыбнулась его деликатной формулировке. – Сегодня индейка?
– Индейка и футбол, – ответила она. – Наш футбол.

– Как Кармелита?

– Спасибо, хорошо. У нее такой высокий сын! Баскетболист.

– Не футболист?

Рози улыбнулась.

– Немножко. Головой хорошо бьет.

Она вытащила из сумочки ключи, и на Ричарда пахло разнообразной парфюмерией. Он зашел вперед и распахнул дверцу ее «субару».

– Спасибо.

– Вам спасибо, Рози. – Он расстегнул карман парки. Пока Рози устраивалась на водительском сиденье, расправляя под собой юбку, Ричард вытащил конверт с полудюймовой пачкой стодолларовых купюр и положил в бардачок. Затем мягко прикрыл дверцу. Рози опустила окно.

– Здесь столько же, сколько в прошлый раз, плюс десять процентов, – пояснил Ричард. – Этого довольно? Вас с Кармелитой по-прежнему устраивает?

– О да, спасибо большое!

– Вам спасибо, – повторил он. – Вы ангелы-хранители нашей семьи, и мы вас очень ценим. Если что, у вас есть мой телефон.

– С Днем благодарения!

– И вас, и все семейство Карденас!

Она помахала рукой, включила передачу и тронулась.

Ричард снова похлопал по карману, проверяя второй кон-

верт. Его надо будет тихонько сунуть Джону – пусть запасется кислородом.

Передавая деньги из рук в руки, он всякий раз чувствовал себя по-дурачки. Человеку его темперамента куда проще отправить стодолларовые бумажки переводом, что Ричард и делал в те годы, когда не приезжал на сборище, однако на обратном пути к дому Музы-Мстительницы молчали, из чего Ричард заключил, что не слишком напортачил.

Претензии М.-М. по большей части сводились к его «эмоциональной закрытости». Когда Ричарда впервые огорошили этой фразой, он долго не мог прийти в себя. Он точно знал, что многими чувствами нельзя делиться ни с кем, а уж особенно с теми, кого стараешься не обидеть, – например с девушками. «Эмоциональная открытость» связывалась у него с неконтролируемыми всплесками вроде того, из-за которого он заработал прозвище Додж. Однако несколько «бывших» уверяли, что хотят от него эмоциональной открытости, и в качестве мифологической греческой мести оставались эмоционально открыты ему долго после того, как отношения сходили на нет. Впрочем, с Розы Карденас он вроде бы был вполне эмоционально открыт. Если не чересчур. Может быть, ей стало неловко.

Назад в дом. В игре близился конец четвертого периода, звук включили, в комнату набилось еще больше народу. Ричард не сразу отыскал, куда прислониться. В последнее время найти такое место стало труднее: экспозиция на сте-

нах постоянно расширялась. Джон, надо думать, проводил здесь столько времени, что позволил себе украсить комнату памятными вещами из Вьетнама.

Лишь один участок стены оставался свободным от посягательств: здесь посреди широкого пустого пространства красовалась на кронштейне с бронзовой табличкой винтовка «М-1 Гаранд» времен Второй мировой. Джону совесть не позволила бы забивать алтарь святилища своими вьетнамскими сувенирами.

В детстве Ричард был убежден, что винтовка – *та самая*, но позже Бад Торгсон, последний долгожитель из числа отцовских однополчан, поднял его на смех. Бад терпеливо объяснил, что по инструкции не положено, отстреляв все патроны, перехватывать «М-1» за дуло и лупить противника по каскам, оставляя вмятины в отличной крупновской стали, и что от такого обращения винтовки обыкновенно приходят в негодность. Некто ответственный за выдачу медалей внимательно осмотрел *ту самую*, после чего ее списали на металлолом. «М-1» на стене, вместе с табличкой, купили из армейских излишков и презентовали отцу бойцы его отряда, которых он, если верить истории, спас тогда от смерти или от лагеря для военнопленных.

Ричард не то чтобы сильно горевал, просто удивлялся, отчего потомки Николаса – добропорядочные мужья, работники, прихожане – считают себя наследниками человека, который в свой звездный час, озверев, насмерть забил несколь-

ких штурмовиков импровизированной дубиной.

* * *

После смерти Патрисии, когда Боб (или его адвокат) прислал письмо, в котором неожиданно заявлял права на Зулу, семья провела небольшую конференцию. Ричард участвовал из Британской Колумбии по телефону, включенному на громкую связь. Вообще-то спикерфоны – полная фигня, однако в данном случае это оказалось ему на руку: он мог закатывать глаза и хвататься за голову, а когда стало совсем тошно, отключил звук и выматерился. Джон с Элис и их адвокаты вели себя абсолютно разумно, но Ричарду казалось, что городской совет хоббитов составляет проект резолюции, где первый и основной пункт – потребовать извинений от назгулов. Ричард был тогда в плотном контакте с байкерами, а те, мягко говоря, не во всем ладили с законом. У клуба имелся филиал в Южной Калифорнии. Через его членов Ричард вышел на частных детективов не самого традиционного толка, что в одежде, что в методах работы, и поручил им разузнать побольше о частной жизни Боба. Когда досье достигло приятной толщины – такой, что его можно было с впечатляющим звуком шваркнуть на стол, – Ричард сел в паршивый дизельный «лендкрузер» и рванул из Элфинстона в Лос-Анджелес. Он остановился в гостинице, принял душ и надел ровно такую косуху, под которой прятал бы кобу-

ру, будь у него с собой пистолет. Затем оставил «лендкрузер» в мастерской менять масло и поехал на такси в некий особенный автопрокат, который посоветовал ему в таверне шлосса один актер, приехавший в Элфинстон на съемки. Там Ричард взял в аренду «хамви». Не «хаммер» – жалкую пародию на «хамви», доступную тогда на гражданском рынке (дело происходило в 95-м), – а настоящий армейский вездеход в семь футов шириной, тянувший (вместе с сабвуферами) на три тонны. Врубив на полную «Rage Against The Machine»³ (в «хамви» была крутейшая афтермаркетная стереосистема), он подкатил на стрелку с получасовым опозданием и припарковался на месте для инвалидов. По отпавшей челюсти Боба за стеклом ресторана Ричард понял, что уже победил.

Это было позорище. Набор самых дешевых понтов, какие только можно придумать. Будь у Боба хоть капля мозгов, он бы по одному этому сообразил, что Ричард блефует.

Тогдашняя будущая «бывшая» Ричарда увлекалась индийской философией, так что он наслушался про аватар, майю и все прочее. Явившись в аватаре бандюка, он предстал перед Бобом именно таким, каким Боб его воображал. А поскольку Боб был теперь врагом семьи, то напугался до потери пульса.

³ «Ярость против системы» – американская музыкальная группа, известная крайне левыми политическими взглядами. На своих концертах неоднократно сжигала американский флаг. – Примеч. ред.

Все прошло как по маслу. Однако Ричард так неловко чувствовал себя в этой аватаре, что изводился мыслью: откуда она взялась? Что на него нашло? Только позже, поговорив с Бадом и поразмыслив над историей медали Почета, он понял: аватара была не его, а семейная.

* * *

Матч не то чтобы закончился, просто, как это обычно бывает, перешел в стадию, когда смотреть уже не на что. Ричард придвинул кресло и сел по левую руку от отца. Их осталось всего трое: Джон, Николас и Ричард. Патрисия умерла четырнадцать лет назад. Джейкоб родился сильно позже остальных, когда мама была в предклимактерическом возрасте, – все понимали, что беременность незапланированная. Джейк не умер, но он в Айдахо – штате, который жители побережий частенько путают с Айовой, хотя на самом деле это полная ее противоположность: айовец может уехать в Айдахо только из принципа.

Ричард не знал, насколько хорошо его отец осознает происходящее. После очередного шквала микроинсультов тот практически не разговаривал, но внимательно следил глазами за людьми в комнате. По лицу и движениям чувствовалось: он в курсе, что происходит, и ему приятно сидеть между двумя старшими сыновьями. Ричард откинулся в кресле, скрестил ноги на медвежьей шкуре и приготовился сидеть

долго. Кто-то принес ему пиво. Отец улыбнулся. Вот и славно.

* * *

Ричард проснулся и сделал попытку заткнуть мобильник, однако местный климат высосал из кончиков пальцев всю влагу и они не могли наладить виртуальный контакт с экраном. Он подышал на пальцы, потом облизнул их. Наконец телефон согласился признать в них человеческую плоть, стал отзываться на команды и умолк.

Ричард на ощупь отыскал очки для чтения и ткнул в кнопку календаря. Из темноты выплыла зеленая панель, превратив седые волосы у него на груди в светящиеся изумрудные заросли. Взгляд сфокусировался, и он прочитал: ПОЕЗДКА-СКЕЛЕТОР.

Он переключил масштаб и увидел благоприятные цветовые предзнаменования: ни одной красной полоски на ближайшие две недели, впереди четыре полностью зеленых (то есть рабочих) дня.

Синим обозначались семейные и другие личные дела. Вчерашний день, например, целиком накрылся шестнадцатичасовой гробовой доской с надписью «СБОР».

За «ПОЕЗДКА-СКЕЛЕТОР» шли три здоровенные зеленые плашки: «ИОМ» (код аэропорта острова Мэн – его Ричард помнил даже слишком хорошо), затем «ОММАЖ

Д2» и, наконец, «МОРЕ».

Красным отмечались визиты к врачу и заполнение налоговых деклараций. Неделя с несколькими красными полосками полностью потеряна для дела. Синее чуть лучше, хотя имеет тенденцию расползаться и откусывать куски от зеленого. Изредка, правда, его удастся превратить в зеленое, как вчера, когда он понял, что Зула должна работать на Корпорацию-9592.

Единственный способ сделать что-нибудь толковое – проснуться в зеленом режиме и оставаться в нем весь день. Так что сейчас цветофизика требовала выбраться из гостиницы, не попавшись на глаза никому из родственников.

Ричард по телефону сообщил, что освобождает номер, и замер перед глазком, выжидая, когда все миниатюрные Фортрасты в купальниках и плавках пройдут в бассейн или из бассейна, затем выскользнул через черный ход и отогнал «гранд-маркиз» на заправку в полумиле от гостиницы, чисто для подстраховки. Здесь он закачал в машину ванну бензина, купил в дорогу стаканчик кофе и банан. Затем включил бортовой GPS-навигатор и начал копаться в меню.

Трейлерный поселок «Тропа опоссума» уже не значился в базе интересных мест, и пришлось просматривать всю нодауэйскую часть северо-западного Миссури. Ричард ожидал найти разве что почту и парк, поэтому чуть не вздрогнул, когда на экран выскочила крупнопиксельная иконка: гуманоид с заостренными ушками, синими косами и подпи-

сю «КОРОЛЕВСТВО КШЕТРИЕВ». На вкладке сообщалось, что оно входит в состав более обширного тематического комплекса «к'Шетрии», включающего парк аттракционов и магазин. У Ричарда рука не поднялась выбрать такой пункт назначения, и он трусливо разрешил навигатору проложить маршрут к административному центру округа.

На пути из города, переваривая мысль, что квазиэльфийская раса под названием «к'Шетрии» (пусть и без пресловутого апострофа) записана теперь в память реальных GPS-навигаторов, он едва не въехал в хвост того, что в этих краях считалось транспортной пробкой: по случаю дня скидок покупатели старались втиснуть машины на стоянку, а себя – в двери «Уолмарта». Раньше он тормозил бы в несколько приемов, но сейчас это дело можно было передоверить АБС, поэтому Ричард просто втопил педаль до пола и стал ждать. Педаль под ногой дергалась. Из отверстия в пластиковой крышке стаканчика вылетела капелька кофе, банан отскочил на крышку бардачка. Ричард спокойно смотрел, как увеличивается в размерах кузов пикапа, немного похожий на плашку в телефонном календаре. Столкновения не произошло. Водитель показал ему средний палец. Зажегся зеленый, и машины поползли вперед. Вскоре Ричард уже ехал по автомагистрали на юг. Это его быстро утомило, и он, к растущему огорчению GPS, свернул на двухрядное шоссе.

Несмотря на шпионское исчезновение из гостиницы, в голове по-прежнему крутились семейные заботы. Он проснул-

ся не в том цветовом режиме! До границы Миссури надо очистить мозги от всяких следов синего, оставив только зеленый.

Поскольку он ехал не просто на дружескую встречу. Сегодняшние недосказанности или неудачные формулировки могут вылиться в дорогостоящие последствия. После Дня благодарения отдыхает вся страна, но только не Скелетор. Их с Ричардом международной клиентуре плевать, когда в Штатах едят индейку. И даже игроки-американцы, отвлекшиеся вчера на семейный долг, сегодня будут наверстывать упущенное, добывая виртуальное золото и компенсаторную славу в мире Т'Эрры. Серверам и сисадминам Корпорации-9592 предстоял один из самых тяжелых дней в году.

Однако мысли постоянно возвращались к синему. Это походило на задание в квесте: требовалось понять, что на самом деле его донимает. Не Музы-Мстительницы: немного поорав, после того как он чуть не въехал в пикап, они надолго умолкли.

Примерно в районе Ред-Оук Ричард наконец решил головоломку: все дело во вчерашнем коротком, но досадном разговоре с читателем Википедии.

Его бесило не содержание конкретной страницы, а то, что она вообще есть и ему о ней напомнили в то самое время, когда он собирался побыть Доджем, расслабиться и почувствовать себя дома.

Страница начиналась фактами про его нынешнее положение.

ние; большую часть подробностей неведомые авторы сочли к делу не относящейся. Он не такая важная птица, чтоб приводить в статье развернутую биографию. Ричарда это раздражало: не зная, как все произошло, не понять, как он таким стал.

* * *

Когда Ричард тащил шкуру через хребет Селькирка, он шел без заранее продуманного плана – и даже без мотива! – и уж тем более без карты. Солнце жарило всюду. На крутых каменистых водоразделах не было воды. Попыткам спуститься с них в тенистые ущелья препятствовали густые заросли; те немногие, кто и впрямь живет в этих краях, называют такие заросли «собачьим мехом» – видимо, потому, что, продираясь через них, чувствуешь себя блохой на собачьей заднице. Полубезумный от голода и усталости, Ричард пересек длинный склон, у подножия которого располагалось устье старой серебряной штольни, одолел полосу «собачьего меха» и внезапно оказался в древней можжевеловой роще. Десятилетия спустя он узнал термин «микроклимат», а тогда просто почувствовал, что попал через пространственно-временной туннель во влажные джунгли на берегу Тихого океана. Плотные кроны не пропускали солнечную энергию, так что земля была счастливо свободна от подлеска, а от родника чуть выше по склону бежал ручеек. Может, просто от пе-

регрева и низкого сахара в крови, но Ричард пережил ощущение чего-то священного. Он сбросил ношу, сел в ручей, давая ледяной воде забраться под одежду, лег на спину, задохнулся от холода, перевернулся на живот, попил.

Фантазия, будто он первый человек в этом месте, развеялась мгновения спустя, когда Ричард заметил в нескольких ярдах от ручья фундамент старого дома. Единственную комнату сейчас занимали остатки крыши. Гниль и муравьи-древоточцы превратили дранку в труху, и Ричард выгребал ее голыми руками, пока не располосовал палец чем-то неожиданно острым. Перевязав палец, он провел более тщательное исследование и обнаружил ящик виски, раздавленный рухнувшей крышей. Сам того не зная, он вышел на старую тропу, по которой во времена «сухого закона» бутлегеры носили контрабанду. Здесь был их схрон.

Что годилось для виски, сгодится и для анаши. Несколько лет Ричард ходил через границу, иногда один, иногда во главе пешего каравана. Он показал товарищам хижину бутлегеров, и они устроили в ней перевалочный пункт. В полумиле ниже по склону начиналась лесовозная дорога. Здесь они встречались с американскими дистрибьюторами – братской общиной байкеров.

В 1977-м президент Картер амнистировал уклонистов. Теперь Ричард мог работать в Штатах под своим именем. Он для разнообразия пересек границу на автомобиле, приехал в административный центр Бурнс-Форд, узнал в архиве, кому

принадлежит участок с бутлегерской хижинкой, и купил его за наличные.

Эту подробность коллективный разум Википедии гарантированно отмел бы как нерелевантную, но очень многое в его последующей жизни определилось тем, что он испытал, войдя в прохладную рощицу. Со временем Ричард понял, что это как-то связано с фермой в Айове. Уже в те годы он знал: что бы ни говорилось в отцовском завещании, ему она не достанется. Если он хочет владеть землей, он должен застолбить ее сам. Она может оказаться красивее и лучше, чем та, на которой стоит айовская ферма, но *такой же* не станет никогда – она всегда будет выселками.

Тогда, в конце семидесятых, он воображал, что построит дом у ручья Сухого Закона – как назвал текущую через его владения безымянную речушку – и будет там жить. Однако позже оказалось, что куда приятнее прогуливаться с полными карманами стобаковых купюр у озера Кутеней, к северу от границы, так что охота осваиваться в глуши мало-помалу прошла.

* * *

Горы в этой части Британской Колумбии изобиловали брошенными рудниками. Ричард и его приятель-байкер, ка-надец по имени Чет, запали на одно место, где лет сто назад богатый немецкий горнопромышленник выстроил шлосс

– замок в альпийском стиле. Фундамент и стены еще оставались в приличном состоянии. Местная экономика была в полной заднице после закрытия целлюлозно-бумажного комбината, и недвижимость не стоила практически ничего. Ричард с Четом купили шлосс. С тех пор как у него зародилась эта мысль, участок в Айдахо отодвинулся на задний план, словно начатый и брошенный черновик.

По мере того как шлосс превращался в модный пансионат, управляемый настоящими менеджерами, у Ричарда появлялось все больше свободного времени, которое он убивал преимущественно за компьютерными играми. В частности, он подсел на «Варкрафт: орки и люди» и продолжения, со временем переросшие в многопользовательскую ролевую онлайн-игру «Мир Варкрафта». Годы с 1996-го по 2006-й стали для него «выпавшим десятилетием» – по крайней мере так бы он их рассматривал, если бы они не привели его к «Т’Эрре». Ричард страшно растолстел и, вероятно, скончался бы от последствий ожирения, если бы не приучил себя играть, переступая – в первое время очень медленно – по беговой дорожке.

Как многие серьезные игроки, Ричард завел привычку покупать золотые слитки и другие полезные вещи у китайских голдфармеров: молодых людей, которые зарабатывали тем, что, играя в «Варкрафт», набирали виртуальное оружие, доспехи, зелья и тому подобное, а затем продавали американцам и европейцам, у которых денег больше, чем времени.

Ричард не верил, что такой вид деятельности возможен, пока не прочитал в одной статье, что мировой оборот виртуального золота составляет, по разным оценкам, от одного до десяти миллиардов долларов.

Так или иначе, покорив все известные виртуальные миры – его персонажи достигли почти богоподобного статуса и могли делать все, что пожелают, – он задумался об этом как о серьезном бизнес-проекте.

Здесь статья в Википедии переворачивала все с ног на голову, делая излишний упор на отмывании денег. Шлосс приносил доход, рос в цене, обеспечивал бесплатный кров и кормежку; Ричард почти и думать забыл про недотраченные сто-долларовые купюры. Да, в молодости он и впрямь был сильно озабочен отмыванием денег, так что выработал нюх на подземные денежные потоки, как у тех лозоходцев, что якобы находят воду с помощью рамки. И да, квазиподпольные виртуальные денежные потоки действительно его завораживали. И все же «Т’Эрру» он создал не для того, чтобы отмыть лишнюю тонну бабок.

Компьютерные игры затягивают хуже наркотиков, что он сам доказал, проиграв в них десять лет. Теперь он обнаружил, что они еще и своего рода валютная биржа. В обоих предметах – наркотиках и деньгах – Ричард разбирался. Третьей опорой треножника стала его бродяжья тоска по собственной земле. В реале ее бы ограничивали физические возможности конкретной планеты, а в виртуальном мире ру-

беж задавал только закон Мура, взмывающий все дальше в экспоненциальную высь.

Как только он сложил два и два, дело пошло быстро. Пообщавшись в чатах с англоговорящими голдфармерами, Ричард подтвердил свои подозрения, что многие из них не могут расширить бизнес из-за хронических трудностей с переводом денег в Китай. Он заключил партнерское соглашение с Ноланом Сюем, патологически предприимчивым хозяином китайской игровой фирмы, одержимым мыслью применить китайский инженерный талант к новой многопользовательской ролевой онлайн-игре. В ходе эпической череды разговоров в аське и по скайпу Ричард убедил Нолана, что первым делом надо «подвести трубы»: разработать систему денежных потоков. Дальше все пойдет само. Для начала они запустили схему, по которой Ричард на североамериканском конце цепочки получал пейпаловские платежи от фанатов «Варкрафта» в Канаде и США, «Федэксом»⁴ слал столларовые купюры на Тайвань, где их отмывали через нелегальный канал пересылки денег от филиппинских гастарбайтеров, переводили на счета в тайваньских банках, оттуда – на счет Нолана в Китае, а тот уже платил фермерам юанями.

Вся эта немисливо хитрая конструкция (Ричард и теперь периодически просыпался в холодном поту, вспоминая ее разноуровневые сбои, международные теневые схемы и экзотический состав участников) была лишь мостиком к куда

⁴ «Федэкс» – FedEx – американская служба экспресс-доставки. – Примеч. ред.

более здоровому и стабильному предприятию: Ричард и Но-лан совместно основали компанию с целью создать новую, полностью оригинальную игрушку Нолановой мечты на системе финансовых «труб», которую Ричард чувствовал себя в силах соорудить.

Когда обсуждение названия фирмы заняло больше пятнадцати минут, которые Ричард на него отвел, он вытащил из кармана набор игральные кости для «Подземелий и драконов» и выбросил на них случайное число 9592.

У игры Корпорации-9592 была куча новых возможностей, но, на взгляд Ричарда, главная инновация заключалась в том, что она сразу строилась как дружественная к фермерам. Фарм был нежелательным побочным эффектом, эпифеноменом более ранних игр, создатели которых всячески силились его задавить, вплоть до того, что в 2009 году вынудили Китай ввести законодательный запрет на продажу игровой валюты без особой лицензии. Однако Ричард считал, что отрасль производства, в которой крутится от одного до десяти миллиардов долларов в год, заслуживает большего уважения. Если позволить хвосту вилять собакой, ты увеличишь свою прибыль и надежней привяжешь к себе подписчиков. Надо было просто построить экономику виртуального мира в расчете на то, что фермеры массово его колонизируют.

Он на самом глубинном, нутряном уровне чувствовал, что успех игры зависит от стабильности виртуального платежного средства. Это заставило его взяться за историю денег и

особенно золота. Золото, как выяснил Ричард, всегда было надежным вложением средств, потому что его добыча требует определенных, более или менее постоянных усилий. Всякий раз, как открывают новые богатые месторождения или придумывают более эффективные методы добычи, золото дешевеет.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить: стабильность золота в виртуальном мире обеспечивается аналогичным способом: игроки должны тратить определенное количество времени и сил на добычу определенного количества виртуального золота (или серебра, или алмазов, или других магических либо мифических металлов и самоцветов, которые позже добавят сценаристы).

Разработчики других онлайн-игр определяли это директивно. Золотые слитки хранятся в подземельях под охраной монстров. Чем сильнее монстр, тем больше у него слитков. Чтобы получить золото, надо сразить монстра, а чтобы прокачать персонажа⁵, который его одолеет, нужно некоторое количество времени и сил. Система функционировала исправно, но в конечном счете вопрос о том, где лежит золото и сколько усилий требуется на его приобретение, решал от балды какой-то программист в штаб-квартире фирмы.

Безумная идея Ричарда состояла в том, чтобы устранить такую лажу, – доступность виртуального золота должна определяться теми же геологическими процессами, что и

⁵ * Прокачать персонажа – увеличить его возможности.

в реальном мире, только не происходящими на самом деле, а смоделированными численно. Бесцельно роясь в Интернете, он наткнулся на мозговзрывающий сайт Плутона – П.Т. Ольшевски. Плутон, двадцатидвухлетний сын геолога-нефтяника с Аляски, получил за Полярным кругом домашнее образование (его учили отец и мама – выпускница математического факультета). Типичный вундеркинд с синдромом Аспергера⁶, запертый теперь в теле рослого волосатого детины, он много играл в компьютерные игрушки и дико бесился от того, как там обходятся с геологией и географией. Их элементы рельефа совсем не походили на элементы рельефа – по крайней мере для Плутона, готового часами сидеть и смотреть на холм. И вот из протеста – практически в качестве акта гражданского неповиновения, направленного против всей индустрии компьютерных игр, – Плутон создал сайт, где показывал результаты работы своего алгоритма для генерации элементов рельефа, отвечающих его стандартам правдоподобия. То есть каждая деталь ландшафта включала в себя всю историю тектоники плит, атмосферного воздействия, биогенных факторов и эрозии. Разумеется, средний человек не отличил бы их от произвольных элементов рельефа, служащих фоном для обычной компьютерной игрушки, так что в этом смысле усилия Плутона были напрасны. Однако Ричарда интересовала не оболочка его мира, а нутро. Ричарду было важно, что некий виртуальный гном обнару-

⁶ Синдром Аспергера – одна из легких форм аутизма.

жит, вонзив виртуальную кирку в склон горы. В обычном игровом мире ответ – фиг он что там обнаружит. Гора в таком мире всего лишь поверхность, тоньше папье-маше, под которой ничего нет. В мире Плутона кирка сперва вскроет почву – состав которой будет определяться сезонным ростом и отмиранием растительности, а также вековым эрозионным разрушением склона, – а зарывшись глубже, гном рано или поздно наткнется на скальное основание, сложенное определенными минералами. Это будет осадочная, изверженная или метаморфическая порода, и, если ему повезет, в ней будет содержаться некий экономически значимый процент золотой, серебряной или железной руды.

Читатель, они одобрили его затею. Плутон переехал в Сиэтл, где поселился в особом учреждении для людей с расстройствами аутического спектра. Он начал создавать целую планету – жуткую мешанину программного кода, которую в одиночку настучал в родительском доме на Аляске и назвал Т’Эррой, – виртуальный мир, где должна была развернуться новая игра Корпорации-9592. А со временем так стала называться и сама игра.

* * *

На въезде в Ред-Оук стоял торговый центр, принадлежащий «Хай-Ви» – здешней сети продуктовых магазинов. Как и в «Хай-Ви» побольше, при входе имелся кафетерий, где по

утрам местные старперы могли позавтракать по специальной цене – всего за \$1.99. Ричард, как будущий старпер (по крайней мере на ближайшие полчаса), поставил «гранд-маркиз» на одном из множества свободных парковочных мест и вошел.

Он ожидал увидеть яркие спектральные цвета, как в «Хай-Ви» его юности, но это было заведение постстарбаксовской эры, без открытых цветов, все землисто-охристое, спокойное, продуманно шероховатое. За окнами ползли грузовики, словно собранные из дополнительных деталей «Лего». Палеты с огромными мешками соли высились перед стеклом импровизированными баррикадами. За столиками сидели провинциальные девицы с подведенными, как у енотов, глазами, не понимающие, что светлым блондинкам это решительно не идет. Ссутуленные и как будто пришибленные мексиканцы. Старперы, поразительно бодрые для людей, десять лет назад смилившихся с фактом, что могут умереть в любой день. Несколько подростков и людей среднего возраста за ноутбуками. Одинокий подрядчик просматривал эсэмэски в телефоне. Шоферы, бородатые, с вылезавшими из широких ремней животами, оглядывались по сторонам и чесали языком. Продавщицы в форме перекусывали в перерыв с мужьями. Ричард устроился у стены, заказал яичницу с ветчиной и поджаренный цельнозерновой хлеб, затем тоже вытащил ноутбук.

Заставка «Т”Эрры» была целиком содрана с заставки

«Google Earth»⁷. Совесть Ричарда не мучила, поскольку он слышал, что Гугл, в свою очередь, спер идею из старого фантастического романа. Планета Т'Эрра висела в космосе на фоне звезд. Положение звезд, к ярости Плутона, сгенерировали случайно. Впрочем, по мере того как планета начала вращаться и расти, перед Ричардом, вошедшим теперь в атмосферу, возникли вполне реалистичные облака. Континенты и острова начали приобретать трехмерность. На горных хребтах проступили снежные шапки. Реки потекли, поверхность морей пошла волнами. Стали видны дороги, крепости и дворцы. Некоторые из них были созданы еще до запуска «Т'Эрры» и овеяны множеством легенд, другие – выстроены персонажами на этапе «Прелюдии» (первого календарного года «Т'Эрры», когда время двигалось ускоренно), третьи возводились сейчас, куда более медленно, ибо теперь игровое время замедлилось до реального. Главный персонаж Ричарда сейчас гонял балду в недостроенной цитадели, входящей в систему фортификаций, которая в этой части Т'Эрры примерно соответствовала Великой китайской стене, то есть к северу от нее владычествовали конные лучники.

Ричард не заходил в игру с вечера прошлой среды. Разумеется, за эти тридцать шесть часов в виртуальном мире Т'Эрры прошло столько же времени, а значит, персонаж Ричарда должен был что-то делать полутора суток, что-то тихое, незаметное и несущественное – например, спать. И

⁷ «Гугл – Земля».

впрямь, в мини-логе, наложенном сейчас на изображение мира, значилось, что персонаж (которого звали Фадд) проспал восемь часов, прободрствовал семнадцать, проспал еще восемь и три часа назад поднялся с постели. Без всякого участия Ричарда он в этот период четырежды поел (на что ушло суммарно четыре часа), а оставшееся время посвятил «медитациям» и «тренировкам», то есть чуть-чуть увеличил свои способности к магии и мордобойю (которые и без того в улучшении не нуждались). У каждого класса и каждой расы в «Г'Эрре» имелись такого рода виды автоматической жизнедеятельности, на игровом жаргоне – боторное поведение или просто боторика. Некоторые, например сон и еда, были общими для всех, другие – специфическими для определенного типа персонажей. Для Фадда, как для мага-воителя, боторика включала медитации и тренировки. Будь он рудокопом, его боторика состояла бы в добыче золота, и всякий раз, войдя этим персонажем, Ричард обнаруживал бы в его кошельке чуть больше золотого песка.

Разумеется, магом-воителем быть куда занятнее, чем махать киркой, и подписчики выбирали себе героев соответственно. Однако стабильность виртуальной экономики требовала, чтобы рудокопы постоянно добывали золото и другие полезные ископаемые, рассеянные алгоритмами Плутона в недрах игрового мира, а значит, система нуждалась в большом количестве персонажей-рудокопов. Вот как Корпорация-9592 решила эту проблему.

- Маги-воители и другие интересные персонажи обходятся дорого: за них Корпорация-9592 берет с подписчиков больше денег. Рудокопы, охотники-собиратели, фермеры и конные варвары не стоят практически ничего: китайскому подростку по средствам владеть десятками или сотнями таких персонажей.

- Рудокопы, фермеры и другие подобные персонажи почти не требуют вмешательства владельцев. Рудокоп добывает золото без участия игрока при условии, что тот поместит его в ту часть мира, где есть золотые прииски, и будет защищать от бандитов, захватчиков и так далее.

- Если вы и впрямь хотите играть за рудокопа, а не просто предоставить ему весь век действовать в соответствии с врожденной боторикой, вот чем вы можете заняться. По миру разбросаны богатые жилы, которые, если их найти, разрабатывать выгоднее, чем обычные месторождения, где трудится большинство персонажей-рудокопов. Они расположены в диких приграничных местностях, и по пути к ним вам гарантировано множество увлекательных приключений.

- Общественная структура – феодальная. У персонажа может быть от нуля до двенадцати вассалов и от нуля до одного сеньора. Персонаж без вассалов и сеньоров зовется ронином, но это по преимуществу зеленые новички. Обычно принято иметь сеть вассалов, которые всю жизнь добывают руду или обрабатывают

землю. Персонаж, у которого есть вассалы, но нет лордов, зовется сюзереном и, как легко понять, восседает на вершине иерархии. У большинства сюзеренов один-два уровня подчиненных рудокопов или фермеров, но есть и большие шишки, с тысячами вассалов на разных ступенях иерархии, и для них существенную часть игры составляют внутриигровые интриги.

Придумав все эти положения и отшлифовав их за первые два года существования «Т'Эрры», Ричард и Нолан совершили подвиг: создали многопользовательскую ролевою онлайн-игру, одинаково доступную предприимчивым китайским подросткам и жирным буржуям, для которых китайские подростки добывали виртуальное золото. С одной стороны, западные подписчики получали больше удовольствия: покупали золото и на виртуальные деньги возводили грандиозные дворцы или затевали масштабные войны, – а с другой – китайские ребяташки зарабатывали реальные деньги: игра служила для них источником доходов, а не расходов, и большинство такая система вполне устраивала.

Все это проходило по разряду «труб» – того, что Ричард придумал на самых ранних стадиях проекта, элементарных условий окупаемости. Его так затянули мелкие реалистические подробности вроде боторики раздувателей кузнечных мехов, что он не задумывался о деталях сеттинга, которые будут особенно заметны, а следовательно – наиболее значимы для будущих подписчиков. Алгоритмы Плутона для со-

здания мира действительно взрывали мозг. Ричардов план стабилизации внутренней валюты – после того как он взял на работу парочку людей, смыслящих в тензорах, – был проработан тщательнее, чем такие же планы для реальных валют. Программисты Нолана написали более чем приличный код. И при всем при том у них по-прежнему не было *мира*: рудопы, конные лучники и кто там еще оставались безликими манекенами. У Т’Эрры не было рас, культур, живописи, музыки, истории. Не было Героев.

А значит, требовались те, кого в индустрии компьютерных игр называют творческими специалистами.

Вполне естественно, что из творческих специалистов первыми предстояло нанять писателей: именно они зададут направление художникам, композиторам и дизайнерам. Корпорация-9592 пригласила профессора Дональда Кэмерона, кембриджского дона и автора очень популярной фэнтези, набросать основные ориентиры. Но дон Дональд (или Дэ-Квадрат, как его очень скоро стали называть между собой) как раз в то время по договору с издательством дописывал тома с одиннадцатого по тринадцатый трилогии «Сказание о древних королях», а Ричард не мог ждать.

Тогда-то, в условиях цейтнота (до запуска оставалось меньше года), он придумал программу штатных писателей Корпорации-9592.

Много лет спустя Ричард сам дивился своей наивности. Как оказалось, писателям больше нравится быть штатными,

чем заштатными. Заняв тепленькое местечко, они не торопятся его освобождать.

Девин Скрелин был третьим писателем, к которому они обратились. Переговоры с первыми двумя разбились о хитрые подпункты касательно смежных прав, оказавшиеся их юристам не по мозгам. Ричард к тому времени дошел до ручки, Девин, как потом выяснилось, – тоже. Как автор фэнтези он котировался довольно низко («нельзя назвать его писателем-середнячком, не опустив критическую планку ниже плинтуса», «настолько вторичен, что читатель уже не может уследить, у кого что сплагиичено», «сказать, что его язык суконный, значит возвести поклеп на ни в чем не повинную шерстяную ткань»), зато был так плодовит, что публиковался в трех разных издательствах под тремя разными псевдонимами. А плодовитость Ричарду на этом этапе и требовалась. В начале карьеры Девин обосновался в трейлерном парке «Тропа опоссума» в Миссури, потому что как-то узнал (дело было еще до Интернета), что это самое дешевое место жительства в Штатах к северу от линии Мейсона-Диксона. Он отказывался вести дела через юристов (что Ричарда более чем устраивало) и куда-либо выезжать, поэтому Ричард отправился к нему лично с твердым намерением не выходить из трейлера без подписанного контракта.

Описания того, до какой степени был захламлен трейлер и сколько именно весил тогда Девин, значительно преувеличены ненавистниками Девина из фэнского сообщества Т’Эрры.

Верно, что его нелюбовь к путешествиям была отчасти связана с шириной самолетных кресел, но люди, которым они узки, не такая уж редкость. А вот утверждение, будто он не выходил из трейлера, потому что не пролезал в дверь, — чистой воды выдумка. Во всяком случае, Ричард его таким не видел. Позже, когда деньги хлынули рекой, Девин перебрался в «Эйрстрим», чтобы ездить по стране на буксире, не отрываясь от писательского труда, а вовсе не потому, что физически не мог выйти на улицу. Ричард видел этот «Эйрстрим». Дверь и санузел там были не больше, чем в других автоприцепах такого типа, а Девин пользовался и тем и другим... ну если не регулярно, то по крайней мере в случае нужды.

Теперь все это было несущественно. Ричард научил Девина работать (или по крайней мере играть), переступая по беговой дорожке, и Девин быстро обогнал учителя. Ожирение давно перестало быть для него проблемой. Прозвище Скелетор появилось как минимум четыре года назад. На специальной странице в Интернете можно в реальном времени посмотреть скорость его пульса и число пройденных за день миль. Девин благородно рассказывал направо и налево, что Ричард спас ему жизнь, а Ричард неблагородно думал, что, может, его и не следовало спасать.

Фадд повелевал двенадцатью вассалами, каждый из его вассалов – еще двенадцатью. На хлеб с маслом хватало. Сеньором Фадда был другой персонаж Ричарда, которым тот играл редко. Не имея особых обязанностей, Фадд слонялся по крепости, обозначенной как здание капитула, – то есть персонажи типа Фадда могли без опаски практиковать здесь свои боторики много часов, дней или даже недель, пока их игрок в офлайне. На игровом жаргоне такие места назывались Д-зоной, или просто ДЗ, от «домиков» в салках. Для рудокопа Д-зоной был рудник с прилегающим салуном и спальными бараками, для крестьянина – ферма и так далее. Магам-воителям Д-зонами служили более дорогостоящие здания капитулов, как общие для персонажей их класса, так и отдельные для разных орденов вроде тамплиеров или мальтийских рыцарей земного прошлого. Для ДЗ существовала целая система правил, необходимых для правдоподобия игры. Персонаж не должен просто исчезать, когда у его хозяина отрубился Инет или мама потребовала сию минуту садиться за уроки, поэтому пользователи старались перед выходом из игры по возможности отвести персонажей в ДЗ. В случае стихийных бедствий (экскаваторы или матери, захлопывающие ноутбук перед носом игрока) персонажи переходят в режим искусственного интеллекта (AI) и пытаются на

автопилоте переместиться в ДЗ. Бредущие как зомби, они становятся легкой добычей врагов и разбойников. Нолан сохранял эту систему, чтобы игроки не отключались посреди проигрышной схватки.

Так или иначе, теперь, когда Ричард управлял Фаддом, его можно было спокойно вывести из здания капитула. Ричард застучал по клавишам. Седобородый маг-воитель поднялся из позы лотоса и направился к выходу из ДЗ. По пути он миновал таверну, где питался в отсутствие Ричарда. Трак-тирщик передал ему почту – поступления от вассалов, которые Фадд переложил в кошелёк. Дальше он прошел в кордегардию – промежуточную комнату между ДЗ и внешним миром. Здесь Фадд отклонил предложение трех персонажей отправиться с ними в рейд. Для многих геймеров рейды и квесты в компании друзей или, на худой конец, случайных незнакомцев были главным смыслом игры. Ричард предпочитал странствовать в одиночку. Чтобы не тратить время на объяснения, он просто применил заклинание невидимости. Грубо, но действенно. Пока он выходил в дверь, в чате выскочили сердитые «WTF?»⁸.

Впрочем, Фадд и не собирался выполнять квест: Ричарду было не до таких развлечений. Он просто хотел чуток побродить по миру, глянуть, что происходит. Последнее время он уделял этому занятию много времени. Что-то менялось: в игровом сообществе происходил некий фазовый пе-

⁸ Что за черт? (сленг в Интернете)

переход. Про фазовые переходы Ричард знал только, что это когда тает лед, однако работа в Корпорации-9592 свела его с учеными нердами, для которых словосочетание «фазовый переход» звучало очень веско: его употребляли, когда хотели всерьез привлечь внимание других нердов. Внезапно что-то происходит, а ты не понимаешь отчего. Или – еще более зловещая мысль – оно уже произошло, а ты все прохлопал. Вот на такие случаи и существовал Фадд. У Ричарда были в «Т’Эрре» другие персонажи, управлявшие целыми армиями вассалов и обладавшие божественными способностями, но по этой самой причине они не участвовали в мелких квестах и зарабатывании денег, на которые тратила бóльшую часть времени основная доля игроков. Фадд был достаточно силен, чтобы его не убивали каждые десять минут, но все же не настолько, чтобы ему все доставалось без труда.

Невидимый Фадд побродил по двору крепости, где разместились многочисленные торговцы со своими лотками: портной, кузнец, провиантмейстер, меняла. Рядом с последним Фадд немножко постоял, слушая разговоры, и убедился, что с обменными курсами не происходит ничего страшного. С ними никогда ничего не происходило. «Трубы» Ричарда функционировали исправно. Департамент Девина мог чего-то напороть, но Корпорация-9592 по-прежнему гребла бабки.

Персонажи за лотками и покупатели, осматривающие товар, делились на три расовые группы: антроны, то есть, в

сущности, люди, к'Шетрии – ребрендинг эльфов и гнурры (до Апострофокалипсиса, навеки изменившего орфографию Т'Эрры, г'нурры) – ребрендинг гномов. В мире имелись еще три расы, но здесь они отсутствовали, поскольку сражались на стороне Зла, а крепость обороняла рубежи Добра. К'Шетрии и гнурры по большей части хорошие. Антроны могут принадлежать к тому и другому лагерю, но по эту сторону границы встречаются только добрые (если, конечно, они не лазутчики Зла).

Ничего нового здесь видно не было. Ричард применил закливание полета. Фадд взмыл над площадью и завис, разглядывая два десятка персонажей во дворе крепости.

Что-то по дуге вылетело из-за стены и упало на плиты, никого не задев. Ричард снизился и навел курсор на предмет. Что-то синее, несуразной формы. Увеличив изображение, Ричард увидел стрелу с карикатурным наконечником и непропорционально толстым древком. Стрелы приходилось делать именно такими – иначе бы их никто не увидел. Мониторы, даже современные, с высоким разрешением, не могут показать летящую стрелу на расстоянии в сотню футов так, чтобы человеческий глаз ее различил, поэтому все метательное оружие, а равно другие мелкие предметы: ложки-вилки, золотые слитки, кольца, ножи, – рисовались в духе пенопластовых мечей, какими махаются ролевики на боевках.

Стрела, впрочем, выглядела толще и несуразней, чем обычно. Увеличив ее еще, Ричард понял почему: древко бы-

ло обмотано желтым свитком и завязано алой лентой. Надпись над ней гласила: «ТАТАНСКАЯ СТРЕЛА-ВЕСТИНИЦА».

Он набрал высоту и глянул на север: под стеной крепости гарцевали татанские конные лучники, они провоцировали гарнизон на вылазку и пускали через стену стрелы-вестницы. Вероятно, китайские подростки, управляющие дюжиной персонажей зараз: боторика конных лучников позволяла легко маневрировать целыми эскадронами. Глаз Ричарда оскорбляла их цветовая гамма. Даже не спрашивая Диану – владычицу красок в Корпорации-9592 и последнюю из Муз-Мстительниц, – он знал, что перед ним типичный случай смещения палитры.

Арбалетчики со стен крепости целились в лучников; на земле уже лежало несколько трупов. Уцелевшие татаны, выпустив по последней стреле, развернули коней и умчались прочь. Ричард перенес внимание во двор – глянуть, не пострадал ли кто-нибудь из персонажей. Все были целы, но один шел к лежащей стреле. Пока Ричард смотрел, персонаж ее поднял. Ричард навел на него курсор. Барфуин, воин-к'Шетрий с довольно скромными достижениями. Двойным щелчком Ричард вывел табличку со статистикой, которую сопровождал портрет. В глаза сразу бросилось сходство между Барфуином и паршивой крупнопиксельной иконкой на экране GPS-навигатора, выскочившей сегодня утром, когда он просматривал интересные места округа Нодауэй. И

там, и тут были синие волосы. Опять смещение палитры. Ричард закрыл ноутбук, поскольку к столику подходила официантка с его яичницей.

* * *

Раз мир предстояло заселить к'Шетриями и гнуррами, а Скелетору и дону Дональду – завалить книготорговлю романами об их подвигах, значит, расы должны были отличаться тем, что археолог назвал бы материальной культурой: одеждой, жилищами, изделиями прикладного искусства и всем прочим. Соответственно Корпорация-9592 наняла художников, архитекторов, музыкантов и модельеров, и те создали материальные культуры, согласующиеся с «библией» Т'Эрры, написанной Скелетором и доном Дональдом. Все работало отлично, в том смысле, что каждый новый персонаж появлялся с предустановленной материальной культурой: его одежда, оружие и ДЗ брались из дизайнерских разработок. Однако игрокам нужна определенная свобода в выборе облика персонажа – они любят проявлять индивидуальность. Для этого существовало отдельное меню. Если ты к'Шетрий, твой плащ может быть из ткани одного цвета, с каймой другого и на подкладке третьего. Однако все эти цвета приходилось выбирать из палитры, а палитры определяла Диана. Таким образом, в первые годы расы и классы персонажей легко отличались издали по цветам одежды.

Потом кто-то догадался взломать палитры и выложил в Интернет аддон, позволяющий игроку менять официальную Дианину палитру на собственную. Пока Корпорация-9592 прочухалась, «раскраски» успели приобрести огромную популярность. К тому времени как в компании собрали по этому поводу первую конференцию, четверть миллиона игроков уже кастомизировала персонажей с использованием новых палитр, и перекрасить их обратно значило бы плюнуть в душу подписчикам. Поэтому Ричард решил, что на самодеятельность можно закрыть глаза.

А закрыть их и впрямь хотелось: так безобразны были многие любительские палитры. До такой степени, что через некоторое время начался откат: игроки возвращались к Дианиным разработкам. Однако тут возник новый, еще более любопытный феномен: игроки использовали Дианины палитры с мелкими изменениями. Почти, но не совсем, Дианины палитры выкладывали на фэнских сайтах, игроки их скачивали, вносили свои мелкие поправки и выкладывали обратно. Поскольку для компьютера цвет всего лишь последовательность из трех чисел, или точка с тремя координатами, если вам так удобнее, то можно нарисовать графики, иллюстрирующие миграцию палитр в пространстве цветов. Летом Диана поручила стажеру создать средства визуализации для этого феномена. Последние месяца два она постоянно играла с новой программой и отправляла Ричарду тонны электронных писем с пометкой «Важное», где излагала ре-

зультаты своих наблюдений. Другой руководитель настроил бы спам-фильтр для отправки этих сообщений в межпланетное пространство, но Ричарда они не раздражали, поскольку именно такими заумными штучками он объяснял акционерам свое присутствие в компании – если заходили подобные разговоры, – однако он решительно не врубался, из-за чего столько шума. Диана была убеждена, что палитры не просто мечутся хаотически, а стягиваются друг к другу в пространстве цветов, группируясь в областях, которые она называла аттракторами (используя термин из теории хаоса).

Разрезая яичницу и глядя, как неоновый-яркий желток растекается по тарелке, Ричард думал о Дианиных словах. Он поднял голову и оглядел «Хай-Ви». Вот уж где невольно вспоминаешь, что палитры повсюду, что люди вроде Дианы успешно работают в самых разных областях, выбирая цветовые гаммы, притягательные для целевой аудитории. Переведя взгляд с полок, на которых стояли крупы (здоровые теплые цвета для лиц старшего поколения, озабоченных работой кишечника), на стойки у касс (пестрые «сахарные бомбы» на такой высоте, что малыши в креслицах магазинных тележек могут до них дотянуться), Ричард видел смещение палитр в действии. С такого расстояния надписей на упаковках было не прочесть, и все же он без труда угадывал, на каких покупателей они рассчитаны.

Гастроколический рефлекс на время заставил его прерваться. На пути из туалета Ричард заглянул через плечо по-

сетителя лет пятидесяти – шестидесяти (судя по одежде – фермера), который сидел в одиночестве и, не обращая внимания на стынувший кофе, играл в «Т’Эрру». Ричард притормозил и разглядел, что персонаж фермера – гнурр-воин и сейчас бьется где-то в горах с т’Кешами – существами наподобие йети. В смысле палитры персонаж почти не отклонялся от правил: часть его экипировки была немножко аляповата, но в целом гамма соответствовала Дианиной.

Ричард вернулся за столик и позвонил Корваллису Кавасаки, одному из сиэтлских программистов. В соответствии с первоначальным разделением труда между Ричардом и Ноланом программировали «Т’Эрру» в основном в Китае, но в Сиэтле располагался отдел, который руководил компанией, обеспечивал комфорт творческой группе, занимался тем, что официально проходило по разряду «Заумных исследований», и окучивал нердов, которые эту заумь выдавали. Из них главным был, конечно, Плутон, однако в Сиэтле разрабатывали еще несколько хитрых проектов, и Корваллис в нескольких из них участвовал.

Набирая номер, Ричард проверил айпишник Wi-Fi-роутера «Хай-Ви».

– Ричард. – Так Корваллис отвечал на телефонные звонки.

– Си-плюс. Сколько сейчас игроков с ай-пи 50.70.186.234?

Стук клавиш.

– Четыре. Один из них, похоже, ты.

– Хм, я думал, меньше. – Ричард обвел взглядом кафе-терий и нашел третьего игрока: парнишку лет двадцати. Четвертый куда-то запрятался.

– У одного из вас теряется много пакетов. Глянь наружу, – предложил Корваллис.

Ричард глянул в окно и увидел припаркованный на месте для инвалидов джип. Лицо человека на водительском сиденье освещал экран ноутбука с безобразно смещенной палитрой.

– Один из них гнурр, сражающийся с т'Кешами.

– Вообще-то его только что убили.

Ричард поднял глаза и убедился, что фермер с досадой отвел взгляд от экрана, потянулся за кофе и, поняв, насколько тот остыл, посмотрел на часы.

– Он-то мне и нужен! – сказал Ричард.

– Что именно тебя интересует?

– Общие сведения.

– Капитал и доходы неожиданно высокие, учитывая, что вы в забегаловке под Ред-Оуком в штате Айова.

– Он фермер. Владеет землей и техникой, которые стоят довольно прилично. Получает большие федеральные субсидии. Отсюда и суммы.

– У него диплом бакалавра.

– Держу пари, что по агротехнике.

– За календарный год приобрел семнадцать книг.

Ричард понимал, что речь идет о т'эрровских книжках из

онлайн-магазина.

– И все от Дэ-Квадрата?

– Как ты угадал?

– Вызови его персонажа.

Стук.

– Ага, – сказал Корваллис. – На мой взгляд, довольно стандартный гнурр.

– Вот и я о том.

– То есть?

Ричард развернул салфетку, вытащил из кармана цанговый карандаш, провел вертикальную черту и поставил грифель в вершину правой колонки.

– Ричард? Ты здесь?

– Я думаю.

Вообще-то он употребил не вполне точный глагол: процесс в его голове был куда менее упорядоченным, чем то, что подразумевает слово «думать».

Что-то пробивалось сквозь сор повседневных забот стрелой-вестницей, и одна из них только что угодила ему точнехонько в лоб: он вспомнил сцену из фэнтезийного мира, не толкиновского, но производного от толкиновского, – такого мира, какой мог бы сочинить Девин Скрелин. Сцена была намалевана на борту фургона, подобравшего Ричарда, когда тот свалил в Канаду, чтобы не остаться без ног, как Джон. Тогда – трудно поверить – существовала связь между толканутыми и анашистами. За следующие тридцать лет все измени-

лось: толкинисты и наркоманы – давно уже непересекающиеся множества. Но тогда это была примерно одна компания, и ребята, разрисовывавшие фургоны, использовали примерно ту же палитру, что нынешние чуваки – как злые, так и добрые, – которые пытаются установить между собой связи кобальтово-синими стрелами-вестницами с ядовито-желтыми свитками.

– Новый исследовательский проект, – услышал Ричард свой голос.

– Ох-хо.

– Ты видел Дианину хрень про аттракторы в пространстве палитр?

– Видел, – отвечал Корваллис, принимая оборонительную стойку, – но...

– Это сейчас главное. – Рука Ричарда задвигалась, выводя буквы в заголовке левой колонки. Он с тупым изумлением следил, как там возникают слова: «ПЕСТРЫЙ АЛЬЯНС». Затем карандаш перескочил в правую колонку. На второй заголовок ушли считанные секунды: «ОХРИСТАЯ КОАЛИЦИЈА». – Забудь все, что должен знать про Т'Эрру: расы, классы персонажей, историю. А главное – забудь про Добро и Зло. Смотри только на поведение и союзы. Аттракторы в пространстве цветов – острое клина. Вбивай его, пока не расколешь всю эту фигню.

Ричард подумал было прочесть названия с салфетки, потом решил, что если он не совсем бредит, то Корваллис дей-

дет до того же своим умом.

– А что стряслось?

– Сегодня утром в бастионе Гратлог конные лучники пускали через стену стрелы-вестницы.

– А чего они не написали по «мылу», как нормальные люди?

– Вот именно. Ответ: они не знакомы. Они нащупывают контакт.

– Чисто случайным образом?

– Нет. Думаю, есть механизм отбора, основанный на... – Ричард чуть было не произнес «на цвете», однако снова решил не давать Корваллису подсказок, – на вкусах.

– ОК. – Корваллис тянул время, соображая на ходу. – Значит, дипломированный фермер под шестьдесят, читающий много книг дона Дональда... по одну сторону рубежа.

– Да. А по другую?

– Догадаться нетрудно.

– Ну, раз догадался, представь мне факты.

– К какому сроку?

– Мой GPS-навигатор говорит, что я в двух часах от Нодауэя.

– О вкусах не спорят.

День 0

Шлосс Хундшюттлер

Элфинстон, Британская Колумбия

Четыре месяца спустя

– Дядя Ричард, расскажи мне про... – Зула споткнулась, потом отвела глаза, выпятила подбородок и отважно продолжила: – ...про Апострофо...

– Апострофокалипсис, – закончил Ричард, проглотив пару слогов, потому что такое слово и трезвым не очень-то выразишь, а они сидели в таверне шлосса Хундшюттлер уже полдня. По счастью, в таком гвалте никто толком не расслышал. Стояла худшая неделя горнолыжного сезона. Все места в шлоссе были забронированы и оплачены больше года назад. Зула и Питер смогли попасть сюда только потому, что Ричард пустил их на раскладной диван в собственном номере. Люди, наполнявшие таверну, в общем и целом были очень довольны собой и общались в соответствующей тональности.

Шлосс Хундшюттлер был кэтскиинговым курортом. Это значит, что здесь отсутствовали канатки. Спортсменов завозили в гору дизельными тракторами на гусеничном ходу. Со всем другой кайф, чем на традиционных горнолыжных курортах с их футуристической техноинфраструктурой подь-

емников.

Кэт, хоть и не такой модный и дорогостоящий, как хели, больше привлекает настоящих фанатов горнолыжного спорта. Хели надо планировать заранее, а вертолет не в любую погоду взлетит. С кэтом проще импровизировать, если готов дышать соляжкой в суровых, почти советских условиях. Вертолет обычно выбирают горнолыжники-профи и богатые придурки вроде тех, чьими телами завалены подступы к Эвересту.

Все это была давняя-предавняя история для Ричарда и Чета, которым пятнадцать лет назад пришлось разобраться во всех межплеменных различиях на бешено растущем горнолыжном рынке, чтобы написать для шлосса вменяемый бизнес-план. Но именно этим объяснялось многое в стиле пансионата: его можно было сделать куда шикарнее, если бы они ориентировались на более распальцованную публику. Ричард и Чет сознательно подражали маленьким горнолыжным приютам Британской Колумбии, где местные спортсмены-любители сами сооружали подъемники и тому подобное. Все здесь было нарочито кондовее, чем по южную сторону границы, что отпугивало бóльшую часть отдыхающих, зато привлекало меньшую часть, которая, приезжая сюда, чувствовала себя настоящей элитой.

В одном углу расположилась компания до безобразия опытных спортсменов – агентов по продаже горнолыжного снаряжения, – пьяных в стельку, поскольку сегодня они весь

день развеивали на суперкрутых склонах прах товарища, перебравшего той же дряни, что и Майкл Джексон. За другим столиком сидели русские: мужчины за пятьдесят в лыжных штанах, с девицами, которые не катались вовсе. Молодой киноактер, не из самых знаменитых, но явно модный, расслаблялся в кругу чуть менее гламурных приятелей. У барной стойки несколько человек местных – проводники и водители снегоходов, – повернувшись спиной к публике, смотрели хоккей с выключенным звуком.

– Для нынешних событий в «Т”Эрре» Апострофокаписис играет ту же роль, что Версальский мир для начала Второй мировой войны. – Ричард нарочно говорил тоном авторов Википедии в надежде, что слушатели почувствуют иронию.

Зула по крайней мере демонстрировала вежливое внимание, а вот Питер пропустил не только второй смысл, но и первый, поскольку был целиком занят мобильником – все пятнадцать минут, с тех пор как ввалился в таверну, обветренный, загорелый и чрезвычайно довольный сегодняшним катанием на сноуборде. Зула, как и Ричард, лыжами не увлекалась, поэтому устроила себе рабочие выходные: по несколько часов в день она сидела, подключившись к серверам Корпорации-9592 по выделенному оптоволоконному каналу, который Ричард за бешеные деньги протянул через долину к шлоссу, – зато Питер, как оказалось, был буквально подвинут на сноубординге. Зула рассказала, что почти все время

после семейной встречи он искал какой-то супер-пупер-сноуборд, который в конечном итоге выписал из Ванкувера. Питер носился с ним как со скрипкой Страдивари, только что под кровать ночью не прятал, и Зула чуточку ревновала.

Питер и Зула выехали из Сиэтла в пятницу, как только Зула освободилась на работе, и проползли в потоке машин через перевал Сноколми, где большинство свернуло на курорты с традиционными подъемниками. Чувствуя себя с каждой минутой все более крутыми, докатили до Спокана и взяли курс на Металайн-Фоллз – крохотный погранпункт на горном перевале, по случайности лежащем точно на сорок девятой параллели. Границу они пересекли в одиннадцать ночи, доехали до Элфинстона и по плохо размеченному ухаби-стому серпантину начали взбираться к шлоссу. Сами они не видели в своем плане ничего безумного, что лишний раз напомнило Ричарду о его возрасте. Все часы, пока Зула и Питер были в пути, он не отходил от компьютера: прикидывал, по какой опасной дороге они едут в эту минуту, – как будто Зула – часть его тела, пустившаяся в автономное плавание и требовавшая постоянного пригляда. Видимо, так чувствуют себя родители. Смешно сказать, но его преследовала мысль о семейной встрече. Если Зула и Питер разобьются по пути в шлосс, то в истории, которую станут пересказывать в следующие годы, укладывая ее как кирпич в здание семейных преданий, главным фигурантом будет Ричард: как он узнал об аварии, какие действия предпринял, как хладнокровно сооб-

разил, что делать, как обрадовалась Зула, когда он разыскал их в больнице. Мораль известна заранее: семья заботится о своих даже – нет, особенно – в критических ситуациях и состоит из хороших, умных, толковых людей. Возможно, ему придется ехать по скользкой дороге в сплошном тумане. Он уже готов был натянуть поверх пижамы лыжный комбинезон и отравляться на поиски, но тут – точно в обещанное время – Питер подкатил к шлоссу в отвратительно модной коробочке на колесах. С этого момента они перестали быть для Ричарда чокнутыми подростками и превратились в сверхлюдей, вооруженных GPS-навигаторами и гуглокартами.

Теперь они собирались повторить свой подвиг. Не желая терять и часа сноубординга, Питер весь понедельник провел на склоне, а ехать планировал ночью. Когда он плюхнулся рядом с Зулой и тут же уткнулся в телефон, Ричард решил не обижаться: ну надо человеку глянуть прогноз погоды и ситуацию на дороге. И тут Питер начал набирать эсэмэски.

Он висел на Зуле как клещ. Ричард всячески уговаривал себя, что Зула – умная девочка и наверняка у Питера есть какие-то хорошие качества, просто из-за его некоммуникабельности их не видно.

Зула смотрела на Ричарда через большие очки, ожидая услышать что-нибудь поинформативнее шуток про Версальский мир. Ричард с улыбкой вытянулся в массивном кожаном кресле. Таверна располагала к рассказыванию историй, особенно историй про Т'Эрру. Ричарду так понравил-

ся пиршественный чертог гнурров, спроектированный одним из ретроархитекторов Т'Эрры, что он пригласил того создать реальную копию в шлоссе. Архитектор был совсем еще мальчик и нигде, кроме как в виртуальном мире, не строил. Он закончил учебу как раз к обвалу рынка недвижимости, не сумел найти работу в реальной Вселенной и устроился в творческий отдел Корпорации-9592, где вынужден был забыть все, что знал про Колхаса и Гэри, и углубиться в тонкости средневековой фахверковой архитектуры, какой она могла сложиться у вымышленного гномоподобного народа. Парень страшно обрадовался возможности построить что-нибудь настоящее, но необходимость иметь дело с реальными подрядчиками, сметами и разрешениями убедила его, что строить в придуманных местах куда лучше.

– Я видела кое-какие пережитки, когда разбирала старые программы Плутона, – сказала Зула. – Г'нурры. – Она произнесла слово по буквам.

– Итак, хронологически первым пригласили дона Дональда, но у него не было особого времени на проект.

– Насколько я поняла, дело ограничилось обсуждениями на высшем уровне, – вставила Зула.

– Да. И к этим обсуждениям мне приходилось готовиться как к экзаменам: штудировать Джозефа Кемпбелла и Юнга.

– Почему Юнга?

– Архетипы. У нас было большое обсуждение касательно рас в «Т'Эрре». По ряду причин мы не могли взять просто

эльфов и гномов, как у всех остальных.

– По творческим соображениям? Или из-за авторских прав?

– Больше из-за прав, но из творческих соображений тоже было заманчиво начать с чистого листа: создать совершенно новую, оригинальную палитру рас без всякой связи с Толкином и европейской мифологией.

– Программисты-китайцы... – начала Зула.

– Сейчас я тебя удивлю. Политкорректные университетские леваки. Как по-твоему, что они заявили?

– Эльфы и гномы – фи! Как можно быть такими европоцентристами? – сказала Зула.

– Да. Хотя на самом деле для китайца куда оскорбительней допущение, будто ему слабо разобраться в эльфах и гномах.

– Ясно.

– Но дон Дональд объяснил, что эльфы и гномы не просто произвольные расы, которые легко можно заменить выдуманными, а настоящие архетипы, насчитывающие...

– Сколько?

– По его мнению, деление эльфы – гномы восходит к тем временам, когда в Европе кроманьонцы соседствовали с неандертальцами.

– Интересно! То есть это произошло десятки тысяч лет назад.

– Да. Возможно, еще до возникновения языка.

– Любопытно, что отыщется в африканском фольклоре, – заметила Зула.

Ричард на мгновение умолк, переваривая ее слова.

– Потому что там могло быть еще большее разнообразие... Э...

– Гоминидов, – подсказала она. – И даже из более древних времен.

– Не исключено. Впрочем, в первоначальных разговорах с Дэ-Квадратом мы так глубоко не закапывались. А потом все передали...

– Скелетору.

– Да. Только мы тогда его так не звали, потому что он был еще жирный.

Ричард на мгновение пожалел о своих словах: вдруг Питер постит их разговор в «Твиттер» или, не дай Бог, в живой видеоблог, – однако внимание Питера было занято совершенно другим: он наблюдал за входом в таверну, вскидывая глаза на каждого, кто появлялся в дверях.

Ричард перевел взгляд на Зулу – не без удовольствия (чисто родственного, ничего дурного) – и продолжил:

– Девин просто слетел с катушек. Официально его срок начинался за две недели до первой встречи, но он явился сюда с *вот такой* пачкой сюжетов для исторической саги, основанной на самых общих набросках дона Дональда. Обсуждать его идеи на самом деле никто не хотел. Мы встретились чисто для проформы. Я велел ему продолжать и по-

садил стажера вставлять перекрестные ссылки в то, что он наваяет...

– Канон, – уточнила Зула.

– Да, верно, с этого начался канон. Нам пришлось нанять Джеральдину. Но главное отличие было в том, что тогда еще оставалась возможность вносить изменения – мы не выложили в открытый доступ ни строчки. Ближе к концу года нам сделалось не по себе, словно Девин заграбастал наш мир. Тогда мы объявили – стыдно сказать, задним числом, – что штатный писатель приглашается на год. По завершении года Девин может писать про Т’Эрру и дальше, но уже совместно с новым штатным писателем.

– Которым оказался Дэ-Квадрат.

– Не случайно. Девин забрал себе такую власть над Т’Эрой, что любой другой писатель утонул бы в его писанине. Поэтому нам требовался автор, который: а) был бы популярен не меньше Девина, б) имел бы приоритет.

– Успел бы застолбить территорию, – сказала Зула.

– На самом деле он только обежал ее и задрал лапу у каждого дерева, но хотя бы так.

– Хм. Этого человека я знаю, – объявил Питер, кивая на дверь. Мужчина в пальто только что вошел с парковки и теперь оглядывал таверну, выбирая, где сесть.

– Приятель? – спросил Ричард.

– Просто знакомый, – уточнил Питер. – Все равно надо пойти поздороваться.

– Кто это? – Зула обернулась через плечо, но Питер уже направлялся к столику у камина, где усаживался новоприбывший. Ричард наблюдал, как тот взглянул на Питера. На лице не было удивления. И уж тем более радости. Они условились встретиться здесь. Заранее обменялись эсэмэсками. Питер соврал.

Ричард волевым усилием возобновил разговор. Вся эта история с Питером ему не нравилась, а в таких случаях первой реакцией Ричарда было отгородиться и ждать, и уж если неприятность начнет угрожать структурной целостности ограды, тогда браться за кувалду.

– Мы пригласили их обоих сюда, – сказал он.

– В шлосс?

– Ага. Тогда он еще выглядел по-другому. Пиршественный чертог гнурров отстроили позже. Дело происходило летом, когда тут вообще все иначе. Мы привезли из Ванкувера ресторанных поваров и устроили съезд руководства для формальной передачи власти от Скелетора к Дэ-Квадрату. Тогда-то и случился Апострофокалипсис.

* * *

– Можно только удивляться, что мероприятие, проводимое с целью достичь новых высот, принято именовать съездом, – объявил дон Дональд, когда они еще толклись на террасе, потягивая пиво и привыкая к виду Селькиркских гор. –

Не уместнее ли в таком случае было бы название «подъем»?

Ричард ничего не понял с самого начала фразы, поэтому даже не стал вникать, а просто смотрел Дэ-Квадрату в лицо. Дональд Кэмерон, тогда пятидесяти двух лет, выглядел старше своего возраста. Его старили зачесанная назад седая грива и массивный шнобель, распухший от алкогольной кембриджской диеты древнего колледжа, где он проводил половину жизни. Зато кожа была розовой, движения – энергичными, видимо, благодаря пешим прогулкам вокруг замка на острове Мэн, где он проводил вторую половину жизни. Дональд заселился в номер несколькими часами ранее, немного отдохнул, вышел на пешую прогулку и всего тридцать секунд назад появился на террасе. Тут его немедленно обступили четверо или пятеро нердов – все сплошь сотрудники довольно высокого ранга, иначе они не посмели бы к нему приблизиться. Ричард знал, что многие из них привезли с собой книги Дональда Кэмерона в надежде получить автограф и теперь подлизываются к нему, прежде чем обратиться с такой просьбой.

– Может быть, вам придется придумать для подобных мероприятий новое слово, – сказал Ричард, пока поклонники не рассмеялись или (что было бы еще хуже) не попытались сострить в ответ.

– Хех. Вы подметили мою страсть к словотворчеству.

– Мы на нее рассчитываем.

Дэ-Квадрат заломил бровь.

– Что ж, мы уже начали набирать высоту! Я-то думал, что это чисто светское мероприятие, мистер Фортраст.

Однако дон Дональд просто шутил. Чтобы не оставлять сомнений, он подмигнул и кивнул в направлении...

Ричард повернулся и, выйдя из быстро растущего кружка фэнов, увидел входящего Девина Скрелина. У него закралось подозрение, что тот выжидал в номере у окна, пока дон Дональд выйдет на террасу, чтобы прибыть последним. Как всегда, с ним были два помощника, слишком пожилые и солидные для такой должности, мужчина и женщина. Ричарду удалось выяснить, что женщина – юрист по авторским правам, а мужчина – редактор, потерявший работу из-за кризиса в книжной отрасли и продавшийся в рабство Девину.

– Спасибо, – сказал Ричард. – Если позволите, мы продолжим этот разговор чуть позже.

– Жду с нетерпением!

Ричард попытался перехватить Девина, но его опередил Нолан Сюй – пожалуй, самый пылкий фанат Девина Скрелина в мире. До недавних пор трудности с визой и высокий обменный курс не давали ему выезжать из Китая, однако в последнее время он зачастил на Запад. Другой на его месте отправился бы прямиком в Вегас. Нолан, по трудноразделимым деловым и личным причинам, посещал конвенты писателей-фантастов.

Ричард остановился и стал за ними наблюдать. Девин сбросил двести одиннадцать фунтов (по крайней мере так

сообщалось на его сайте шесть часов назад) и выглядел теперь полным, но не пугающе жирным. Он отвечал на вопросы Нолана, однако не проходило и пяти секунд, чтобы его взгляд не устремился в сторону дона Дональда. Будь Ричард посторонним зрителем, он решил бы, что один из писателей убийца, а другой – намеченная жертва. Хотя кто именно из них киллер, определить было нелегко.

Профессор Кэмерон чрезвычайно мило общался с фэнами, пока не соблаговолил заметить Девина. В ту же секунду он повернулся на каблуках сшитых на заказ кожаных туфель и ураганом (другого слова не подберешь) пронесся по террасе, чтобы протянуть сопернику руку.

– Как будто он здесь хозяин, – пробормотал Ричард.

– В шлоссе? – спросил Чет, выглянувший проверить, все ли в порядке. Про фэнтези Чет знал только то, что его сюжетами хорошо расписывать фургоны.

– Нет, – ответил Ричард. – В «Т’Эрре».

* * *

Позже они обедали в банкетном зале шлосса, оформленном под среднестатистическую баварскую крепость. Столы составили вместе, чтобы получился один длинный. «Точно как в «Шейкис-пицце»!» – заметил Девин входя. «Точно как в трапезной Тринити-колледжа», – сказал Дэ-Квадрат. Ричард, единственный из участников обедавший и там и там,

видел оправданность обоих сравнений. Стараясь быть радужным хозяином, он дважды согласно кивнул, пряча растущую тревогу при мысли о том, что будет, когда эти двое окажутся друг против друга за столом пиццерии-Тринити. Поэтому что именно такие места им предстояло занять. Ричард сидел во главе стола. Девин и профессор Кэмерон – рядом с ним, визави. Нолану отвели место рядом с профессором, чтобы он мог пожирать своего кумира влюбленным взглядом, а Плутону – рядом с Девином, исходя из гипотезы, что дону Дональду будет приятно иметь в поле зрения жутко умного и слегка некоммуникабельного гика. Плутон сидел лицом к террасе и мог, если уж слишком заскучает, разглядывать очертания горных пиков на противоположной стороне долины.

Это о ближайших соседях Ричарда. Остальных рассадили в соответствии с чьими-то представлениями об иерархии и старшинстве. Меню было среднеевропейско-охотничье в интерпретации приглашенных Ричардом и Четом поваров. В частности, дичь закупили в специальных питомниках, чтобы исключить наличие прионов, а значит, и вероятность, что через несколько десятилетий все руководство Корпорации-9592 заболит коровьим бешенством. Карта вин отвешивала дипломатический поклон-другой в сторону нарождающегося виноделия Британской Колумбии и тут же решительно перешагивала через границу на юг. Дэ-Квадрат сказал что-то очень умное и красивое про сухой рислинг из

Хорс-Хевен-Хиллз. Девин попросил диетическую колу. Оба много расспрашивали о шлоссе и о том, как Ричард и Чет его построили. Ричард объяснил, что первоначально замок собрали из деталей трех разных зданий, купленных в Австрийских Альпах неким австро-венгерским горнорудным бароном (буквально бароном). Детали провезли по Дунаю до Черного моря, а дальше через половину земного шара в устье реки Колумбия. Остаток пути они проделали по узкоколейке, по которой в те времена возили руду. (Теперь на ее месте – велосипедная дорога и лыжная трасса.) Затем Ричард перешел к тому, как они с Четом купили и отремонтировали шлосс, опустив все связанное с наркотиками и байкерами. Эти вопросы пространно освещала Википедия, и он не сомневался, что все за столом читали (а то и редактировали) соответствующую статью.

К концу восьмидесятых торговля анашой заметно криминализировалась, а может, Ричард только после тридцати начал замечать нехорошие стороны там, где они были изначально. Он забрал свою долю, переехал в Айову и пошел на курсы ресторанного и гостиничного дела при Айовском университете. Здесь история выходила из тени настолько, что ее можно было рассказывать в приличной компании. После нескольких месяцев в Айове он сообразил, что людей с такими знаниями проще нанять, вернулся в Британскую Колумбию, и они с Четом начали ремонтировать шлосс.

Пока они попивали аперитивы с микроскопическими тар-

тинками и ели суп, шла приятная застольная беседа, но когда дело дошло до блюд, больше похожих на горячее, и красного, Ричард понял, что ему мучительно хочется сковырнуть болячку. Официально они собрались, чтобы отпраздновать год работы Девина в качестве штатного писателя и передать факел дону Дональду, который наконец завершил свою три(переросшую к тетрадека)логию и теперь готов был уделить время дальнейшему совершенствованию предыстории и «библии» Т'Эрры.

В последние три месяца Девин сделался пугающе писуч. Во внутренней переписке Корпорации-9592 была целая ветвь с темой «Девин Скрелин – персонаж Эдгара Аллана По» и ссылками на сайты о психической болезни, известной как графомания. Появилось даже сочетание «запаздывание канона»: сотрудники, ответственные за включение написанного в канон, не поспевали за Девином. Наиболее последовательные параноики считали, что Девин нарочно пишет так быстро. Во всяком случае, из присутствующих за столом лишь он один держал в голове весь мир целиком, поскольку последнюю тысячу страниц отправил по электронной почте из Северной башни шлосса – сегодня в час ночи, так что еще никто не успел их прочитать. Это давало ему определенное преимущество.

От шлосса разговор естественно перешел к замку дона Дональда на острове Мэн, где в последнее время тоже велась серьезная реконструкция. Ричард вроде нащупал зацепку и

сделал ход.

– Там вы и предполагаете в основном работать над «Т’Эррой»? – спросил он.

Молчание. Видимо, произнеся слово «работать», Ричард преступил некую границу. Он решил, что продолжить натиск лучше, чем извиняться.

– У вас есть там кабинет? Место, где вы можете писать?

– О да! – воскликнул профессор и принялся описывать некую комнату в башне «с видом в хорошую погоду до До-нахади на западе и до Каирнгана на севере».

Оба слова были произнесены с таким аутентичным ирландским и шотландским акцентом соответственно, что вдоль стола прокатилась видимая волна удовольствия.

Профессор объяснил, что отремонтированный кабинет сочетает «удобство с исторической достоверностью, которые не так-то легко примирить между собой» и ждет его возвращения.

– Девин подготовил большой объем материалов, – сказала Джеральдина Леви, хозяйка канона, сидящая рядом с Плутоном. – Очень интересно узнать, что в истории Т’Эрры будет для вас заглавным на первом этапе.

– Главным, – поправил Кэмерон после неловкой паузы, во время которой он пытался понять, что она имела в виду. – Вопрос вполне резонный. Начну издали. Как вы знаете, мой метод работы таков: первый вариант книги я пишу на языке, на котором в действительности говорят герои, и только

завершив его, приступаю к переводу на английский. – Слово-но танк, разворачивающий башню, он навел прицел на Девина. – Мой *коллега*, естественно, предпочитает более короткий путь.

– Меня восхищает то, что вы делаете с языками и всем таким, – сказал Девин. – Я просто... сочиняю по ходу.

– Итак, в вашем мире, – Дэ-Квадрат закончил маневр и целился теперь в Ричарда, – языков сейчас нет. Вы больше увлечены геологией, – кивок в сторону Плутона, – и считаете ее фундаментальной. Я бы скорее начал со слов и языка и на этом основании строил все остальное.

– Это ваша епархия, профессор Кэмерон, и вы вольны распоряжаться в ней как пожелаете, – заметил Ричард.

– Почти волен. Поскольку уже есть определенное количество... – Кэмерон вновь перевел взгляд на Девина, – неологизмов. Я видел в трудах мистера Скредина слова, которых нет в английских толковых словарях. Само слово «Т'Эрра», разумеется. Названия рас: к'Шетрии, г'нурры. С ними я работать могу – могу включить их в вымышленные языки, грамматику и тезаурусы которых с большим удовольствием составлю и передам... мисс... Леви.

Заминка перед «мисс» объяснялась тем, что он глянул на безымянный палец ее левой руки.

Мисс Леви была «мисс» только потому, что в штате Вашингтон не регистрируют лесбийских браков, но она не стала его поправлять.

– Замечательно, – сказала она. – Пока данная область канона совершенно не разработана.

– Рад быть полезным. Впрочем, у меня есть несколько вопросов.

– Да.

– К’Шетрии. Название эльфийской расы. Станным образом похоже на кшатриев, вы не находите?

На Ричардовом конце стола все, за исключением Нолана, только захлопали глазами, а вот ближе к середине наострил уши Премджит Лал, руководитель одного из проектов в отделе заумных исследований.

– Да! – воскликнул Нолан, кивая и улыбаясь. – Теперь, когда вы сказали, – очень похоже!

– Можешь объяснить? – спросил Ричард.

– Премджит! – крикнул Нолан. – Ты кшатрий?

Премджит кивнул. Чтобы ответить словами, ему пришлось бы повысить голос, поэтому он просто двумя руками взял себя за уши и потянул кончики вверх, делая их эльфийскими и заостренными.

– Индуистская каста, – объяснил Нолан. – Воины.

– Поневоле думается, что человек, придумавший это название, слышал когда-то слово «кшатрии» в другом контексте, а затем, в поисках экзотического звукового ряда, выудил его из памяти и счел собственным оригинальным изобретением.

Ричард изо всех сил старался не смотреть на Девина, но

голова поворачивалась сама, словно в ухо ему вставили ломик и надавили. Через несколько секунд на Девина глядели все. Тот, медленно багровея, отпил диетической колы, утер губы салфеткой, затем обвел взглядом собравшихся и начал:

– Есть конечное число фонем и конечное число способов, которыми их можно составить. Всякое придуманное слово окажется похоже на название касты, или бога, или ирригационного района в той или иной части мира. Может, надо с этим просто смириться?

Премджит, хоть и сидел далеко, его слова разобрал.

– Примерно сто миллионов кшатриев озадачит эта сторона канона, – сказал он. В голосе не было обиды, только... озадаченность.

Ричард мысленно поставил галочку: пригласить Премджита в японский ресторан и выяснить, о каких еще серьезных ляпах в «Т'Эрре» тот знает и помалкивает.

– Сто миллионов... – повторил Девин негромко, чтобы Премджит не услышал. – Могу поспорить, что через пять лет к'Шетриев на Земле будет больше, чем кшатриев.

– Если мне не изменяет память, это слово пишется с апострофом между строчной «к» и прописной «ш». Я прав? – спросил дон Дональд.

– Верно, – сказал Девин и глянул на Джеральдину. Та кивнула.

– Апостроф обозначает элизию.

– Выпадение звука, – перевел Плутон. – Например, глас-

ной в фамилии «Д'Артаньян». – Он фыркнул. – Я имею в виду, первой гласной!

– Да, именно так, – продолжал дон. – Отсюда следует вопрос: почему «ш» в к'Шетриях прописная? Означает ли это, что «Шетрий» – отдельное слово, причем имя собственное? И если да, то что означает «к» с апострофом? Может ли это быть, к примеру, артикль?

– Конечно, почему бы и нет?

Дэ-Квадрат, забросив крючок, удовлетворенно молчал.

Плутон взорвался:

– Почему бы и нет? Почему бы и нет?

Ричард мог только наблюдать, как если бы на склоне противоположной горы лыжника настигала лавина.

– Если это артикль, – сказал дон Дональд, – то что означает «т» с апострофом в Т'Эрре? «Г»-апостроф в г'нурре? Сколько артиклей в этом языке?

Молчание.

– Или, может быть, «к», «т» и «г» не артикли, а некие другие единицы языка?

Молчание.

– Или, может быть, апостроф обозначает не элизию?

Молчание.

– Что в таком случае он означает?

Больше Ричард терпеть не мог.

– Ничего. Просто красиво смотрится, – сказал он.

Дон Дональд обратил на него сияющий взгляд. Все осталь-

ные за столом съежились; в атмосфере нарастало напряжение.

– Простите, Ричард?

– Дональд, послушайте. Вы единственный в этом секторе экономики дока по древним языкам. Остальные просто выдумывают слова. Если человеку нужно экзотическое словцо, он лепит пару апострофов. Ну или ставит рядом буквы, которые обычно не сочетаются, например «Q» и «Z». Это и есть наш случай.

Молчание с несколько иным оттенком.

– Я понимаю, что это не вполне согласуется с вашим М.О.

– М.О.?

– Модус операнди.

– Мм, – сказал дон.

– Если вы хотите сочинить пару-тройку языков, – вставил Девин, – флаг вам в руки.

– Мм, – повторил дон.

Ричард глянул на Джеральдину. Та думала настолько напряженно, что из скромной прически валил дым.

– Мистер Ольшевски, – сказал наконец дон, – могу я разместить здесь вулкан?

– Здесь?!

– Да, на этом участке земли?

– Какого типа вулкан?

– Ну, пусть будет Этна. Мне он всегда нравился.

– Не получится, – ответил Плутон. – Этна – молодой дей-

ствующий стратовулкан. Селькирские горы – старые. Поро-
ды, которыми они сложены...

– Он сюда просто не впишется, – подытожил дон, обры-
вая то, что обещало стать длинным и чудовищно детальным
экскурсом в вулканологию.

– Вот именно!

– Боюсь, что в случае апострофов ситуация аналогичная.
Да, мой коллега не стал выдумывать слова. Однако требова-
лись названия для рас Т’Эрры, да и для всего мира. И в од-
них случаях, например в слове «к’Шетрий», за апострофом
следует прописная буква, в других, как в слове «г’нурр», –
строчная. И тут без связного объяснения не обойтись. По
крайней мере если предполагается, что я буду работать над
этим проектом так, как привык.

В последней фразе прозвучала не слишком завуалирован-
ная угроза.

* * *

– Спасибо, что приехали из самого Ванкувера, – сказал
Питер. Они не представились и не обменялись рукопожати-
ями, только смили друг друга взглядом и кивнули.

– Ну и местечко! – сказал Уоллес. Он не походил на чело-
века, который часто изумляется – или по крайней мере ча-
сто в этом признается. Почти полминуты все его внимание
было поглощено балками, якобы держащими потолок. – Где

я это раньше видел? – Наконец он перевел взгляд на Питера, смотревшего на него с некоторой опаской, и вновь принялся изучать таверну: массивную деревянную мебель, окна со свинцовыми переплетами, пол из сучковатых досок. Последнюю нужную подсказку дали столовые приборы. Уоллес взял вилку и вытаращился на ручку, украшенную геометрическим рисунком в стиле скандинавских рун.

– Твою мать! – воскликнул он. – Гнурры!

– Простите? – выговорил Питер, напавал убитый таким началом.

Уоллес хохотнул – что тоже, судя по виду, с ним происходило не часто – и глянул на сумку с ноутбуком, которую положил на свободный стул рядом с собой.

– Хотите, покажу? Я могу попасть в это место прямо сейчас, в «Т’Эрре».

– Вы играете в «Т’Эрру»? – спросил Питер, надеясь перевести разговор в нормальное русло.

– У всех свои слабости. Каждая чревата своими неприятностями. Пристрастие к «Т’Эрре» безобидней многих других. Кстати, как тут раздобывают содовую? – Уоллес говорил с шотландским акцентом, и Питеру каждый раз требовалась лишняя секунда, чтобы его понять. Расшифровав слово «содовая», он повернулся на стуле, привстал и сделал знак официанту.

Питеру не нравилось, как началась встреча. Уоллес совершенно выбил его из колеи: сперва заговорил про «Т’Эрру»,

теперь велел добывать ему содовую. Впрочем, дальше Уоллес взял чуть другой тон: он соблаговолил объясниться. Любезно просветить Питера.

– Это пиршественный чертог Огло, короля северных рыжих гнурров. Я там бывал раз десять, может, пятнадцать.

– То есть там бывал ваш персонаж.

– Да, именно это я и хотел сказать. – Слово «придурок» не прозвучало, но явственно подразумевалось.

Уоллес пришел в пальто. Таковую одежду Питер видел только в кинофильмах. Возможно, это было единственное пальто в радиусе двухсот километров. Множество других мелких деталей также указывало, что перед Питером солидный джентльмен. Рыжие с проседью волосы зачесаны назад с веснушчатого лба, над левым виском проплешина – след вылеченного рака кожи. На шее – золотая цепочка с очками. Дорогая рубашка (верхняя пуговица расстегнута). Такая ткань хорошо смотрится под пиджаком, но не согреет, если придется в дороге ставить запаску. На правой руке – большой золотой перстень с печаткой.

– Сам я в «Т’Эрру» не играю, – сказал Питер, хотя это и так было уже вполне очевидно.

– В какие же игры вы играете?

– Я люблю сноуборд. Стрельбу. Иногда...

– Я спрашивал о другом. Я спрашивал, каковы ваши слабости и чем они чреватые.

Уоллес постучал перстнем по столу.

Несколько мгновений Питер молчал.

– Только не говорите мне, что их у вас нет, поскольку мы оба знаем, почему вы здесь.

Тук-тук-тук.

– Да, – сказал Питер. – Хотя это не обязательно из-за слабости.

Уоллес рассмеялся, но совсем не так благодушно, как в первый раз, когда сообразил, что сидит в пиршественном чертоге короля Огло.

– Вы связались со мной через неких людей на Украине, отнюдь не самых добропорядочных граждан. Я вас проверил. Прочитал все, что вы писали в хакерских чатах начиная с двенадцати лет на вашем ублюдочном безграмотном языке. Три года назад вы под собственным именем оставили запись, в которой назвали себя серым хакером, то есть фактически признались, что раньше были черным. А год назад устроились работать в агентство по компьютерной безопасности, в котором половина учредителей отсидели в тюрьме.

– Что вы хотите от меня услышать? Мы здесь. Мы встретились. Мы оба знаем зачем. Очевидно, что я вам не врал.

– Совершенно верно. Я пытаюсь выяснить, что именно вы наврали всем остальным, включая, насколько я могу судить, вашу шоколадную подружку. И мне полезно будет узнать, какие слабости или неприятности заставили вас врать.

– Зачем? У меня есть то, за чем вы приехали.

– Вот это-то я и пытаюсь проверить.

Питер сунул руку во внутренний карман и вытащил коробку для DVD с единственным неподписанным диском, белым с одной стороны, фиолетово-блестящим – с другой.

– Вот.

Уоллес скривился.

– И как вы намерены передать мне данные?

– А в чем проблема?

– Я привез ноутбук. Без DVD-слота. Рассчитывал, что у вас будет флешка.

Питер задумался.

– Думаю, это решаемо. Подождите секундочку.

* * *

– Этот тип только что припахал твоего бойфренда, – заметил Ричард, вскоре после того как Питер сел у камина рядом с незнакомцем.

– Припахал?

– Поручил ему работу. «Подзови официанта. Закажи мне выпить». Что-то в таком роде.

– Не понимаю.

– Это тактика, – сказал Ричард. – Ты пытаешься прощупать человека. Даешь ему задание и смотришь, что будет. Если он соглашается, в другой раз можно припахать его сильнее.

– В смысле, твоя тактика?

– Нет, способ манипулировать людьми. Человек либо работает на меня, либо нет. Если работает, я могу давать ему задания. Если нет, я не вправе им командовать.

– Ты хочешь сказать, что приятель Питера им манипулирует.

– Знакомый.

– У них какая-то деловая встреча! – догадалась Зула.

– Тогда почему он прямо этого не сказал?

– Хороший вопрос, – согласилась Зула. – Наверное, думал, я обижусь, что он совместил наш общий отдых с деловой встречей.

«И поэтому тебе наврал?» Этого Ричард вслух говорить не стал. Если сильно давить, результат иногда бывает прямо противоположным желаемому.

К тому же Питер сейчас направлялся в их сторону.

– Никто из вас не может одолжить мне флешку?

Вопрос повис в воздухе, как незримое облако кишечных газов.

– Я хочу перенести несколько картинок с компьютера на компьютер, – объяснил Питер.

И он, и Зула, и Питер регулярно проверяли почту и смотрели фотографии, так что сумка с ноутбуком стояла у Ричарда под стулом. Он поставил ее на колени, сунул руку во внешний карман.

– Держи.

– Я сейчас верну, – сказал Питер.

– Не надо, – ответил Ричард, возмущенный, как последняя училка, что Питер забыл волшебное слово. – Она слишком маленькая. Я собирался завтра купить новую. Просто сотри, что на ней сейчас, хорошо?

Питер вернулся к столу, достал ноутбук, вставил флешку. Его компьютер, работающий под «Линуксом», определил, что на ней виндовская файловая система, что как раз и требовалось, поскольку на компьютере Уоллеса тоже стояла «Виндоуз». На флешке было несколько файлов; Питер их стер, потом вытащил из коробки диск и вставил в дисковод.

– А почему не скопировать со своего компьютера? – спросил Уоллес.

– Отличная проверка на вшивость! – сказал Питер. – Все как я вам говорил. Копия одна. На диске. Я вас не надую.

На рабочем столе появился значок DVD. Питер щелкнул. В директории был один-единственный файл. Питер перетащил его на значок флешки и подождал несколько секунд, пока файл копируется.

– Теперь копий две. – Он щелкнул по значку безопасного извлечения устройства, вытащил флешку и протянул Уоллесу. – Вот товар. Как договаривались.

– Я еще не проверил, что там.

– Ну так проверяйте!

– Я видел ваш образец. Реальные номера кредитных карт, как вы и говорили. Фамилии, сроки действия и все остальное.

– Так что вам еще надо?

– Происхождение.

– Чье? Мое?

– Поскольку вы самоучка, Питер, а я питаю слабость к самоучкам, я прощу вам вашу непонятливость. Меня интересует, откуда данные.

– Какая разница, если данные надежны?

Уоллес вздохнул, отпил глоток содовой и оглядел пиршественный чертог, будто собираясь с силами для продолжения этого дурацкого разговора.

– Молодой человек, вы неверно меня поняли. Я пытаюсь вам помочь.

– Не знал, что мне нужна помощь.

– Превентивная. Понимаете? Помощь, о которой вы думаете, – бросить спасательный круг пьяному, упавшему в воду. Превентивная помощь – схватить его за ремень и оттащить от края, пока не упал.

– Какое вам вообще до меня дело?

– Такое, малыш, что если у вас будут неприятности в связи с происхождением этих данных, то они будут и у меня.

Некоторое время Питер обдумывал услышанное.

– Вы работаете не на себя.

Уоллес кивнул, исхитрившись принять разом ободряющее и кислое выражение.

– Вы просто исполняете чье-то поручение – действуете как агент настоящих покупателей.

Уоллес вскинул руки, словно дирижирует оркестром, и едва не опрокинул содовую.

– Если что-то пойдет не так, эти люди здорово рассердятся, и вы боитесь последствий, – продолжал Питер.

Молчание и неподвижность Уоллеса, видимо, означали, что Питер наконец пришел к верному умозаключению.

– Кто они?

– Вы же не думаете, что я назову настоящие имена?

– Не думаю.

– Так зачем спрашиваете?

– Вы первый о них заговорили.

– Они русские.

– В смысле... русская мафия? – Питер даже не испугался – так это было завораживающе.

– «Русская мафия» – идиотский термин. Оксюморон. Газетные выдумки. Все гораздо сложнее.

– Да, но, очевидно...

– Очевидно, – согласился Уоллес, – те, кто покупает у хакеров краденые номера кредитных карт, по определению занимаются организованной преступной деятельностью.

С минуту оба молчали. Питер думал.

– Как именно они занимаются организованной преступной деятельностью – тема крайне интересная и сложная. Разговор с этими людьми очень бы вас впечатлил, будь у них хоть малейшее желание с вами общаться. Уверяю вас, они ничуть не похожи на сицилийскую мафию.

– Но вы только что мне угрожали. По вашим словам...

– Жестокость и рисковость русских сильно преувеличены, – заметил Уоллес, – однако некое зерно истины в этих рассказах есть. Вы, Питер, решили торговать нелегальным товаром. Таким образом вы покинули границы обычной коммерции с ее службой поддержки клиентов, арбитражем и черными списками в Интернете. Если сделка не прошла, у ваших клиентов нет возможности прибегнуть к обычным средствам. Вот что я пытаюсь объяснить. Так что даже если вы полный придурок и не думаете ни о собственной жизни, ни о жизни вашей девушки, я все равно прошу вас ответить, откуда данные, поскольку пока у меня есть выбор, идти ли дальше, а я не веду дел с придурками.

– Отлично, – сказал Питер. – Я работаю в Агентстве по информационной безопасности. Это вы уже знаете. У нас был заказ от сети вещевых магазинов: пробить их корпоративку.

– Неужели организовать им банкет в ресторане?

– Провести тест на проникновение в корпоративную сеть. Мы выяснили, что некая часть их сайта уязвима для SQL-атаки. Воспользовавшись этой дырой, мы установили руткит на одном из серверов, а затем, используя его как плацдарм, проникли... не буду утомлять подробностями: короче, проникли на внутренние серверы, где хранятся клиентские данные, и таким образом доказали, что номера кредитных карт не защищены.

– Сложно.

– Все заняло пятнадцать минут.

– Значит, данные, которые вы пытаетесь мне продать, уже скомпрометированы! – сказал Уоллес.

– Нет.

– Вы только что сказали, что сообщили клиенту об уязвимости!

– *Тому* клиенту сообщили. *Те* данные скомпрометированы. Те данные – не эти данные.

– Так что же это за данные?

– Сайт, о котором я говорю, делала фирма, которой уже нет.

– Неудивительно!

– Ну да. Я прошерстил заархивированные веб-страницы и нашел, кому еще эта фирма делала сайты в тот же период времени.

Уоллес задумался, потом кивнул.

– Рассчитывая, что все они сделаны под копирку.

– Да. Все эти сайты практически клоны, а поскольку фирма накрылась, то патчи для них не выпускали.

– Потому-то, вероятно, и пригласили ваше агентство.

– Все верно. Так вот, я нашел кучу сайтов-близнецов с теми же уязвимостями, включая главную дыру. В том числе крупную сеть универмагов.

– И повторили ту же атаку?

– Да.

– И теперь можно отследить, что атака проводилась через

компьютеры вашего агентства.

– Нет, нет, нет, – сказал Питер. – Я работал со знакомыми ребятами из Восточной Европы. Все шло с совершенно других хостов, через анонимайзеры. Меня абсолютно не за что зацепить.

– Ваши знакомые работали бесплатно?

– Конечно, нет. Они получают часть денег.

– И вы полностью им доверяете?

– Полностью.

– Поэтому и со мной связывались через людей на Украине?

– Да.

– Хорошо, что загадки разрешились, – важно произнес Уоллес. – Хотя главная по-прежнему остается.

– Да?

– Зачем вы это делаете?

Питер как в рот воды набрал.

– Просто скажите, что вы кокаинщик или что вас шантажирует партнерша по БДСМ. Стесняться нечего.

– Мне нечем платить по ипотеке, – произнес Питер.

– За хакерский бомжатник, где вы живете?

– Это коммерческое здание в Сиэтле... в промышленном районе под названием Джорджтаун...

Уоллес кивнул и назвал адрес по памяти.

– Ясно, вы меня проверяли. Отлично. Я купил дом до кризиса. В части помещений я живу и работаю, остальные сдаю.

Когда экономика накрылась медным тазом, количество свободных площадей зашкалило. Упали разом и балансовая стоимость дома, и арендная плата. Но я еще могу не довести дело до изъятия. Подремонтировать дом, продать его, а на вырученные деньги...

– Купить нормальный дом, где захочет поселиться девушка? – спросил Уоллес, поскольку Питер, как ни старался удержаться, невольно глянул на Зулу.

– Вы должны понять... – начал Питер.

– Ах, Питер, я *не хочу* понимать.

– В Сиэтле полно людей, ничуть не умнее меня... и вкалывают они не больше...

– Но купаются в деньгах, потому что им повезло, – закончил Уоллес. – Питер. Я уже сказал, на кого работаю. И как, по-вашему, я себя чувствую?

Питер надолго замолчал, так что Уоллес успел добавить:

– Кажется, я вполне внятно объяснил, что мне насрать?

– Вам было не насрать, откуда данные.

– Ах да. Спасибо, что напомнили о главном. – Уоллес взглянул на часы. – Я приехал минут тридцать назад. Если бы вы следили за стоянкой, то увидели бы две подъехавшие машины. Одна из них моя. Изящный кабриолет, не слишком приспособленный для здешних дорог, но я кое-как добрался. Второй – черный внедорожник с двумя русскими. Мы припарковались по обе стороны вашего оранжевого «Кайена хВ» 2008 года. Один из русских, компьютерщик не сильно

глупее вас, достал ноутбук и вышел в Интернет через Wi-Fi пансионата. Теперь он ждет меня. Если мы совершим сделку, через тридцать секунд я буду сидеть на заднем сиденье внедорожника. Компьютерщик возьмет у меня флешку и вставит в свой ноутбук. У него есть то, что вы называете скриптами, чтобы проверить вашу базу. Если что-нибудь окажется не так, возмездие, о котором я говорил, настигнет вас быстрее, чем ваша печень успеет переработать тот глоток «Маунтин дью», что вы сейчас отпили.

Питер отпил еще глоток «Маунтин дью».

– У меня есть те же самые скрипты, – сказал он, – и я прогнал их несколько часов назад. Мои друзья в Восточной Европе тоже следят за этим делом; если бы что-нибудь случилось, они бы мне свистнули. Я боюсь людей, на которых вы работаете, мистер Уоллес, и жалею, что с вами связался, но вот что меня не тревожит – так это надежность моей базы.

– Отлично.

Питер положил флешку на стол и толкнул к Уоллесу.

Тот вытащил из сумки ноутбук, поставил на стол и, открыв, вставил флешку. На экране появился значок. Уоллес дважды по нему щелкнул и увидел единственный экселевский файл с названием «Данные». Он перетащил значок файла в «Мои документы» и несколько секунд ждал, пока анимированное окошко сообщит, что копирование завершено. Пока оно шло, Уоллес заметил:

– Разумеется, есть еще один неприятный вариант, о кото-

ром уже упоминалось в нашем разговоре.

– А именно?

– Возможно, это не единственная копия данных? Возможно, вы собираетесь продать их еще раз-другой?

Питер пожал плечами.

– Я никак не могу доказать вам, что другой копии нет.

– Понятно. А ваши украинские коллеги?

– Они этих данных не видели. Когда мы проводили взлом, файлы скачивались сразу на мой компьютер.

– И вы сохранили копию, просто на всякий случай?

– Нет. – Питер смутился. – Кроме вот этого. – Он вынул из ноутбука DVD. – Хотите забрать?

– Я хотел бы видеть, как вы его уничтожите.

– Легко.

Питер согнул диск и сдвинул, пытаясь переломить. Это оказалось на удивление непросто. Наконец диск с треском развалился на две половины, но несколько осколков отлетели на пол и на стол.

– Черт! – Питер бросил зазубренные половинки на стол и показал правую руку: из сантиметрового пореза в основании большого пальца шла кровь.

– А вы не могли бы действовать чуть менее демонстративно? – Уоллес открыл экселевский файл и убедился, что там строка за строкой идут фамилии, адреса, номера и сроки кредитных карт. Десятки тысяч строк.

Уоллес вытащил флешку и бросил в камин. Питер, сосав-

ший порез, невольно глянул в сторону Ричарда и Зулы.

Уоллес ногой придвинул Питеру небольшую спортивную сумку.

– Хватит на пару пластырей и еще останется дяде Дику на флешку. Но как вы будете платить за ипотеку стодолларовыми бумажками – не знаю.

– Зато, похоже, знает дядя Дик. – Питер убрал руку ото рта и теперь прижимал кровоточащую рану к холодному стакану с «Маунтин дью».

– Это вы у него выяснили или почерпнули из Википедии? – спросил Уоллес.

– Как вы понимаете, Ричарду сильно не нравится его страница в Википедии.

– Мне бы тоже не нравилась, – сказал Уоллес, – будь она моя. Отвечайте на вопрос.

– Ричард никогда не говорит про старое. По крайней мере со мной.

– Он не считает вас достойным своей племянницы? – притворно изумился Уоллес. – Ричард Фортраст давно живет честной жизнью. Он не поможет вам со стодолларовыми бумажками.

– Он сумел – сумею и я.

– Питер, прежде чем мы расстанемся – надеюсь, навсегда, – мне бы хотелось сказать вам одну вещь.

– Выкладывайте.

– Я вижу, что вы говорили искренне. Теперь я хочу от-

платить вам той же монетой. Так вот: все, что я говорил про русских, – выдумка. Элементарная тактика запугивания.

– Я догадался.

– Как?

– Минуту назад вы сказали, что передадите флешку русскому хакеру во внедорожнике, а потом бросили ее в огонь.

– Сообразительный мальчик. Значит, не обязательно говорить, что никакого внедорожника на стоянке нет. Можете проверить сами.

Питер не стал проверять. У него как будто камень с души упал.

– Я работаю на себя и не имею возможности содержать службу безопасности, – сказал Уоллес, – поэтому вынужден иногда пускаться на такие психологические ухищрения. В данном случае метод сработал. Я вижу, что вы меня не обманывали. Иначе я прочел бы это в ваших глазах.

– Отлично, – сказал Питер. – Было такое дебильное телешоу «Запуган – значит, убережен». Думаю, вы вполне достаточно меня сейчас запугали.

– Замечательно! – протянул Уоллес. – Вы перевернули страницу! Это была ваша последняя крупная сделка! Теперь вы вступаете в правильную и честную жизнь, как Ричард Фортраст.

– Он сумел... – начал Питер.

– Сумеете и вы, – закончил Уоллес. – Все это полная туфта. А теперь позвольте откланяться и пожелать вам успехов.

– Питер – наркоман? – спросил Ричард.

– Нет, он за здоровый образ жизни. – Зула руками изобразила кавычки. – А что?

– На мой взгляд, это сильно смахивало на передачу наркотиков.

Зула быстро глянула через плечо.

– Правда? Чем?

– Общей психологической атмосферой.

Она внимательно поглядела на дядю через очки.

– Что не объясняет фокусов с флешкой и попытку убить себя с помощью DVD, – признал он.

Зула отвела взгляд и пожала плечами.

– Ладно, пустяки, – сказал он.

– Так, значит, Дэ-Квадрат размазал Скелетора по полу...

– Да. Отлично спланированная атака, я бы сказал. И в частности, после нее г'нурры превратились в гнурров.

– Надо же! А почитать, что пишут в Интернете...

– Можно подумать, произошло невесть что. Нет. По крайней мере тогда мы ничего серьезного не увидели. Но вот так теперь делается история. Люди ждут, когда она понадобится, и затем приспособливают ее к своим целям. Год назад только самые отъявленные фанаты «Т'Эрры» знали про Апострофокалипсис, и для них это был незначительный эпизод. Мо-

жет, даже забавный.

– Но после того как Пестрый альянс вероломно напал на Охристую коалицию...

– Его задним числом раздули до небес, – сказал Ричард. – А тогда? Просто за обедом всем было страшно неловко. Г'нурры превратились в гнурров. Якобы из лингвистических соображений. На самом деле дон Дональд застолбил за собой право менять то, что придумал Девин.

– И злоупотребил им?

– Согласно Пестрому альянсу – да, – сказал Ричард. – Хотя в действительности Дональд вел себя очень тихо и скромно, поправки вносил только там, где Девин и впрямь напортачил. Там, где Девин сам бы их внес, если бы перечел свою нетленку и чуточку задумался. Практически ничего всерьез не тронул.

– На твой взгляд. А на взгляд Девина?

Ричард задумался.

– Тогда он себя вел, как будто ему без разницы.

– Хотя, возможно, на самом деле обиделся, – сказала Зула, – и с тех самых пор вынашивал месть. Прятал в каноне намеки. Настолько мелкие, что Джеральдина и ее сотрудники не сумели сложить их в единую картину. А вот для его фанатов это было как собачий свисток.

Ричард пожал плечами и кивнул. Тут он понял, что Зула на него смотрит, ожидая продолжения.

– Тебе все равно! – воскликнула она. Потом улыбнулась.

– Поначалу я злился, – признал Ричард. – У меня ганкнули одного из персонажей. Убили без предупреждения члены собственного отряда. Когда он за них сражался. Ну и вообще: такой накал страстей заразителен. Но... я руковожу бизнесом.

– А война пестрых с охристыми выгодна?

– Только успевай грести бабки.

– Кто тут гребет бабки? – спросил Питер, усаживаясь и ставя себе на колени черную спортивную сумку. Он прижимал к ране комок бумажных салфеток.

– Ты задаешь интересные вопросы, – сказал Ричард, глядя ему в глаза.

– Просто пошутил. – Питер быстро отвел взгляд.

Зула глянула на телефон, проверяя время.

– Сфоткаешь нас с дядей, пока мы не уехали?

* * *

Как хорошо видно на гуглокартах, из этой части Британской Колумбии невозможно напрямик проехать в Сиэтл, да и вообще никуда: все горные хребты перпендикулярны векторам движения.

Дорога от шлосса вывела их к дамбе. Дальше начиналось двухрядное шоссе. Оно шло по левому берегу реки до южного края озера Кутеней – узкой полоски воды, зажатой между хребтами Селькирка и Перселла, – и соединялось с шос-

се побольше в центре Элфинстона, прелестного курортного города с десятью тысячами жителей, из которых примерно девять тысяч, похоже, работают в сфере общественного питания. Заезд на бензоколонку обернулся пятнадцатиминутным перерывом на тайскую еду. Питер почти не разговаривал. Зула привыкла, что он подолгу молчит. В принципе ее это не угнетало, потому что с телефоном, читалкой и ноутбуком она никогда не чувствовала себя одинокой, даже в долгих поездках по горам. Однако, как правило, Питер молчал, если думал над какой-нибудь гиковской задачкой, и при этом настроение у него было отличное. По дороге из шлосса Хундшюттлер он молчал угрюмо.

Из Элфинстона им предстояло ехать на запад через перевал Кутеней и дальше выбирать меньшее из двух зол. Можно было свернуть на юг, пересечь границу в Металайн-Фоллз и таким образом втиснуться в северо-восточный угол штата Вашингтон. Отсюда они бы часа за два добрались до Спокана и с ветерком пролетели через весь штат по шоссе Ай-90. Этой дорогой они ехали в пятницу. Либо...

– Я вот тут подумал, – сказал Питер (до этого он минут пятнадцать наматывал на вилку тайскую лапшу и пытался взглядом прожечь дыру в столике), – что нам надо ехать через Канаду.

Он говорил об альтернативной дороге: через Оканаган, дальше до Ванкувера, а там уже пересечь границу и оказаться на северном конце Ай-90.

– Почему? – спросила Зула.

Питер поднял на нее глаза, впервые с тех пор как они сели за столик. Казалось, вопрос его обидел. Он ошетинился и собрался что-то сказать, потом только пожал плечами и отвел взгляд.

Позже, когда Питер вел машину на запад, Зула отложила бесполезную электронику (роминг в Канаде очень дорогой, а с ридера в темноте не почитаешь) и стала смотреть через лобовое стекло, вспоминая недавний разговор. Все упиралось в слово «надо». Если бы Питер сказал: «Давай поедем через Канаду – прикольно будет махнуть другим путем», – она бы не спросила «почему?», поскольку сама думала примерно в таких выражениях. Но он сказал: «Нам надо ехать через Канаду», – а это совершенно другое дело. И то, как Питер ей не ответил, напомнило историю с незнакомцем в таверне. Вопрос дяди Ричарда про наркотики ее сперва разозлил. Питер выглядел, одевался и вел себя так, что люди постарше делали неверные выводы, но она-то отлично знала, что он славный, положительный и не берет в рот ничего крепче «Маунтин дью».

Надо. Какая разница, как ехать? Погранпункт в Металлайн-Фоллз отстойный, это да, но как раз потому, что той дорогой почти не ездят и там не надо ждать: пограничники практически выбегают к тебе с объятиями. Ванкуверский пункт – один из самых больших и загруженных на всей границе.

Питер чего-то избегает.

За ним это вообще водилось. Если Питеру что-нибудь не нравилось, он начинал юлить, возможно, сам не понимая, что юлит. Просто так он привык взаимодействовать с миром. Не искусный ловчила, а скорее безыскусный ловчила, наивный и не отдающий себе отчета. В детстве Зула навидалась такого в Эритрее, где не всегда разумно действовать в лоб. Их старейшина умел найти подход даже к эфиопам, у которых была одна цель: дойти босиком через пустыню до Судана, побыть в лагере ровно столько, чтобы получить статус беженца, перебраться в Америку, начать новую жизнь, разбогатеть (по крайней мере по стандартам Африканского Рога) и начать переводить деньги в Эритрею на продолжение войны.

Фортрасты держались других правил: в любой трудной ситуации надо действовать логично и хладнокровно. «Посоветуйся с пастором». «Посоветуйся со скаутским вожатым». «Посоветуйся со школьным психологом».

Питер мандражировал всю дорогу до Элфинстона и заметно приободрился, когда они решили ехать на запад.

Чтобы не взбираться на головокружительный оканоганский серпантин – отнюдь не лучшая затея в это время года, да еще ночью, – они взяли к северу и поехали по более широкой прямой трассе через Келууну. Там снова заправились, и Питер пошел на беспрецедентный шаг – взял себе кофе. Зула робко вызвалась сесть за руль, Питер предложил ей

альтернативную роль: «Говори со мной, чтобы я не уснул». Она могла только рассмеяться – поскольку он всю дорогу упорно молчал. Однако после Келоуны Зула и впрямь пыталась с ним говорить. В итоге перешли на всякие нердовские штучки: это была единственная тема, на которую Питер мог болтать часами. Он вечно выпрашивал про систему защиты «Т’Эрры» и нет ли в ней потенциальных уязвимостей: тогда он ее улучшил бы, срубил денег и показал себя ценным работником. Зула не могла ничего толком ответить, потому что подписала жутко длинное и устрашающе подробное соглашение о неразглашении – такую штуку, по которой ни один пастор, скаутский вожатый или школьный психолог не дал бы дельного совета. Ей оставалось рассказывать лишь то, что было известно официально: что ее начальник – Плутон – является Хранителем ключа; он единственный в мире знает шифровальный ключ, который меняется раз в месяц и служит для цифровой подписи под всеми геолого-фантазийными выходными событиями, создаваемыми его алгоритмами. Нечто вроде подписи казначея Соединенных Штатов, напечатанной на каждой долларовой купюре и удостоверяющей ее подлинность. Потому что программы Плутона определяли, помимо прочего, содержание золота в каждой тачке руды, добытой гнуррами-рудокопами. Зула сама с драгоценными металлами не работала – моделировала динамику магмы, – но с мерами безопасности сталкивалась каждый день, и Питер вечно задавал гипотетические вопросы о том,

как их могут взломать – не он, а некий гипотетический черный хакер, которого Питер мог бы перехитрить и заработать на этом деньги.

За разговором, незаснувшие и живые, они добрались до Эбботсфорда. До Ванкувера оставался еще примерно час, однако граница была уже близко и логичнее всего казалось пересечь ее здесь. Они остановились, но не потому, что кончился бензин, а потому, что Питеру понадобилось в туалет. Стоянка затянулась: Питер вытащил наладонник и стал смотреть время ожидания на разных погранпунктах. Зула тем временем пошла купить гамбургеров. На обратном пути она увидела, что Питер роется в багажнике. Слышно было, как он открывает молнии и шуршит полиэтиленом.

– Хочешь сесть за руль? – спросил Питер.

– Я шесть часов тебе твержу, что охотно поведу машину, – напомнила она кротко.

– Ну, не знаю, может, ты передумала. Хочу дать отдых глазам. Может, даже подремлю.

Зула не поверила – уж слишком Питер выглядел возбужденным. Он снова увिलивает – и это как-то связано с приближением к границе. Первый раз такое случилось на развилке в Элфинстоне, теперь снова. Она согласилась сесть за руль.

– Арка Мира, – сказал Питер. – Нам нужен тот пункт, где Арка Мира.

– Тут ближе есть, милях в двух.

– У Арки Мира очередь меньше.

– Как скажешь.

Значит, еще несколько десятков километров на запад до Арки Мира, уже практически на океанском берегу – самая дальняя точка, до которой они могли оттянуть пересечение границы. Питер через несколько минут опустил спинку заднего сиденья, закрыл глаза и перестал двигаться, хотя Зула спала с ним далеко не один раз и знала, что засыпает он по-другому.

Электронное табло на трассе сообщало, что на Грузовом Пункте – за несколько миль до Арки Мира – машин меньше, и Зула свернула туда. На полосе досмотра перед ними было всего два автомобиля, а значит, ждать предстояло меньше минуты.

– Питер?

– Что?

– Паспорт близко?

– Да, в кармане. Погоди. Где мы?

– На границе.

– Это Грузовой Пункт.

– Да. Здесь ждать меньше.

– Я думал проехать через Арку Мира.

– Какая разница? – Впереди осталась только одна машина. – Ты чего паспорт не достаешь?

– Вот. Отдашь пограничнику. – Питер протянул Зуле паспорт и снова откинулся на заднем сиденье. – Скажешь, что я сплю.

– Ты не спишь.

– Просто думаю, нас будут меньше трясти, если решат, что я сплю.

– О чем ты говоришь? Кого когда-нибудь трясли на этой границе? Все равно что переехать из Южной Дакоты в Северную.

– Ну будь другом.

– Тогда закрой глаза и не шевелись, – сказала она, – и он сам увидит, что ты спишь или притворяешься спящим. Если я отмечу очевидное – «он спит», – возникнут подозрения. А в чем дело-то?

Питер притворился, будто спит, и не ответил.

Машина впереди пересекла границу США. Зажегся зеленый сигнал, Зула подъехала и остановилась.

– Сколько человек в машине? – спросил пограничник. – Гражданство? – Он посветил на Питера фонариком. – Вашего друга придется разбудить.

– Нас двое. США.

– Сколько вы пробыли в Канаде?

– Три дня.

– Везете что-нибудь оттуда?

– Нет, – ответила Зула.

– Пакетик кофе. Два гамбургера, – сказал Питер.

– Добро пожаловать, – произнес пограничник и включил зеленый.

Зула нажала на газ. Питер вернул спинку сиденья в обыч-

ное положение и потер лицо.

– Отдать тебе паспорт?

– Да, спасибо.

– До Сиэтла часа два, – сказала Зула. – Успеешь объяснить, почему весь день парил мне мозги.

Питер вроде бы искренне удивился, что она его раскусила, но уверять, будто он не парил ей мозги, не стал.

Через несколько минут, когда они влились в поток машин на Ай-5, он сказал:

– Я сделал мегаглупость. Возможно, такую, что ты теперь меня бросишь.

– Кто был тот мужик в таверне? Он с этим как-то связан, да?

– Уоллес. Живет в Ванкувере. Насколько я смог узнать из Интернета, бухгалтер. Учился в Шотландии. Последние двадцать пять лет живет в Канаде.

– Ты для него что-то делал? Какую-то проверку безопасности?

Питер довольно долго молчал.

– Слушай, – сказала Зула. – Я просто хочу знать, что у тебя в машине такого, из-за чего ты боялся пересекать границу.

– Деньги, – ответил Питер. – Наличность в сумме превышает десять тысяч долларов. Я должен был их задекларировать. – Он откинулся назад и вздохнул. – Теперь нам ничто не грозит. Мы пересекли границу. Мы...

– Кто в данном случае «мы»? Я, выходит, твоя подельни-

ца?

– По закону – нет, потому что ты ничего не знала. Но...

– Так, значит, мне угрожала опасность? Что значит, «нам ничто не грозит»? – Зула злилась редко, но уж когда это случилось, ее злость росла медленно и неумолимо.

– Уоллес – противноватый тип, – ответил Питер. – Кое-что из его слов... Послушай. Я понял, что сваял дурака, уже пока с ним говорил. Ругал себя последними словами. А когда все кончилось и он отдал мне деньги, я сообразил насчет границы.

– И хотел найти пункт, где очередь больше.

– Да. Меньше шансов, что машину обыщут.

– И когда ты в Эбботсфорде смотрел время ожидания...

– Я искал пункт, где дольше стоят.

– Обалдеть можно.

Некоторое время Зула молча вела машину, вспоминая прошедший день.

– Почему ты сделал это в шлоссе?

– Уоллес предложил. Мы пытались согласовать графики. Я упомянул, что буду в шлоссе. Он сразу сказал, что это место его устраивает. Не в лом ему было ехать из самого Ванкувера по зимней дороге. Теперь я понимаю, что он не хотел пересекать границу с наличными деньгами. Решил перевести эту проблему на меня.

– С каких пор бухгалтеры платят за услуги по информационной безопасности наличными?

Питер не ответил.

Зула продолжала думать. Стодолларовые купюры. Сто банкнот – десять тысяч баксов. Это какой примерно толщины пачка? Не очень большая. В машине можно спрятать без труда.

У Питера с собой больше. Куда больше. Она вспомнила, как в Эбботсфорде он что-то перекладывал в багажнике.

– Секундочку, – сказала Зула. – Ты берешь двести баксов за час. Десять тысяч долларов – пятьдесят часов твоей работы. А мне думается, что у тебя с собой куда больше десяти тысяч. Значит, куда больше пятидесяти часов твоего времени. Ты в последнее время просто не сидел столько за компьютером. Ты ремонтировал дом. Да с одним гипсокартоном больше недели возился!.. Когда ты успел наработать столько часов?

И тут вся история выплыла окончательно.

* * *

Зула оказалась права: им впрямь нашлось о чем проговорить до самого Сиэтла.

Питер тоже не ошибся, когда сказал, что теперь Зула его бросит. Не из-за того, что он сделал в прошлом – хотя это, конечно, была полная дурость, – а из-за сегодняшнего нелепого спектакля с пересечением границы.

Впрочем, окончательно он себя сгубил, когда попытался

сослаться на дядю Ричарда.

Они были уже где-то в районе Эверетта, на въезде в северные пригороды Сиэтла. У Питера оставалось десять – пятнадцать минут на то, чтобы оправдаться. И он напомнил про темные делишки, которые Ричард Фортраст проворачивал – или якобы проворачивал – в прошлом. Зула отлично ладит с дядей Ричардом, так что не устраивает ее в Питере?

Тут она оборвала его на полуслове и сказала, что между ними все кончено. Сказала с такой определенностью в голосе и в лице, что Питер прибалдел. Это и завораживало, и пугало. Потому что мужчины, по крайней мере его сверстники, не настолько уверены в себе, чтобы принимать решения нутром. Им нужно выстроить систему логических обоснований. Зула – другое дело. Ей не надо было ничего решать. Она просто сообщила новость.

День 1

Три дня назад, в пятницу, перед поездкой в шлосс Зула сбежала с работы пораньше, отправилась напрямик к Питеру в этажи (именно так он называл свое жилище), чтобы бросить вещи, а машину припарковала в складской части здания, куда со стороны переулка вели гаражные ворота. Поэтому теперь, несмотря на разрыв, ей пришлось возвращаться и за машиной, и за пожитками. С трассы Зула съехала на Мичиган-авеню и, миновав аэродром Боинг-Филд, свернула обратно к Джорджтауну.

Сто лет назад это был самостоятельный городок, живший за счет производства и потребления спиртного. Границами Джорджтауну служили каналы и железнодорожные ветки. В начале двадцатого века его поглотил Сиэтл, который больше не мог терпеть у себя под носом богатый, но не обложенный налогами район.

Едва самолеты стали обычным делом, в южной части городка немедленно построили аэропорт. Во времена Перл-Харбора его национализировали, и всю войну «Боинг» запуская отсюда «Б-17» и «Б-27». Хибары клепальщиков заполнили тихие узкие улочки Джорджтауна, однако тот сохранял индивидуальность до конца века, пока не покорились нашествию с севера: дот-комы в поисках дешевых офисных помещений вторглись в одноэтажные промышленные районы

к югу от центра и оккупировали механические и литейные цеха, не устоявшие перед китайской конкуренцией. Станки выкорчевали, выбросили или пустили с молотка, потолки отмыли и укрыли кабельными лестницами, которые вскоре прогнулись под милями синих сетевых проводов. На местных разбитых дорогах, к неудовольствию водителей грузовиков, развелись велосипедисты в дурацких шлемах и спандексе. Именно в ту эпоху Питер, не желая упустить шанс, купил здание – больше из веры в то, что вместе с друзьями откроет хайтековую компанию, – однако не вышло: сменился финансовый климат. В итоге пришлось и жить, и работать прямо тут, а часть помещений сдавать людям разного рода искусств. Те же, как выяснилось, готовы платить за аренду куда меньшие деньги, чем высокотехнологичный бизнес. Но вредившее Питеру шло на пользу Джорджтауну – по крайней мере в том смысле, что район зарабатывал на жизнь реальными товарами, а не цифровыми фокусами с битами и байтами.

Потолок на нижнем уровне подпирали еловые бревна – отличный получился бы ресторан или паб с пивоварней, вот только стояло это старое кирпичное здание вдалеке от оживленных мест, да и без него подобных заведений в Джорджтауне хватало. А так пришлось делить нижний этаж надвое: одну часть Питер сдал сварщику редких металлов (тот изготавливал детали для аэрокосмической отрасли), а во второй устроил себе мастерскую. В ней-то все выходные и просто-

яла машина Зулы. Верхний, отделанный этаж, выходявший старыми уютными окнами на Боинг-Филд, тоже делился пополам: сам Питер обитал и работал в лофте без перегородок, а вторую часть доводил до ума, рассчитывая сдать продвинутой молодежи, которая, по его словам, не прочь пожить «среди арок».

Зула не понимала, о чем он говорит, пока не попривыкла к району и не заметила, что окна и двери в старых зданиях – самые настоящие обложенные камнем и кирпичом арки, каких не встретишь в новых домах. А Питер не просто заметил – он осознал их привлекательность для некоторых людей, то есть человеческого в нем обнаружилось больше, чем в обычном нерде.

Из поездки вернулись около двух ночи. Зула пошла наверх собирать вещи, скопившиеся за два месяца, прожитых с Питером, условно говоря, вместе, увидела нарочно не заделанные при ремонте оконные арки, и тут на нее накатило – она не могла ни двигаться, ни ясно мыслить. Так и стояла в темноте. Огни аэродрома били в низкий свод выдохшихся облаков, их зеленовато-серебристое мерцание будто слюем краски заливало стекла оконных проемов.

Зула испытывала странное умиротворение и (вполне естественно в таких обстоятельствах) спрашивала себя: «Что я вообще в нем нашла?» Внешность – понятно, но дело не только в ней. Может, непредсказуемые озарения вроде того, с арками? И вот еще: Питер постоянно вкалывал и многое

умел, чем напоминал Зуле родное айовское семейство. К тому же он был умен, имел массу разных увлечений, о которых свидетельствовали стопки и развалы книг, и мог увлекательно о них рассказывать, если вдруг случалось настроение поговорить. Тут, в одиночестве, пока Питер распаковывал снаряжение, Зула шаг за шагом, будто следователь на месте преступления, начала вспоминать, как влюблялась, и убеждать себя, что вовсе не вела себя по-идиотски. Она не заметила признаков грядущего разрыва, таких очевидных в последние двенадцать часов, – это еще можно себе простить. Бывшие подруги наверняка не спрашивали у нее за спиной, что она нашла в этом парне.

А отсюда – в последний раз, пока она стоит одна в темноте и еще может передумать, – вопрос: бросать ли Питера окончательно. Впрочем, Зула не сомневалась: проснувшись утром, ни о чем не пожалеет. С двоими так уже было. В ее университете смуглолицые ботанки, изучавшие жидкостную динамику, не пользовались у мальчиков таким успехом, как, например, голубоглазые блондинки с факультета гостинично-ресторанного бизнеса. Но она, обитатель съемного жилья и хозяйка садика в горшочках на крыше, возделывала и берегла немногочисленные отношения, а вырастив редкий томат, наслаждалась им, наверное, больше, чем те, кто покупает овощи корзинами в супермаркете. Поэтому кое-какой опыт у нее имелся. В своей правоте, как и в предыдущие два раза, она не сомневалась.

Зула включила свет – от него заболели утомленные глаза – и стала собирать то, что наверняка принадлежало ей: из ванной – немного самой необходимой косметики, арсенал для ухода за волосами; из любимого угла – записи и книги по работе, пару романов. Мелочи, но Зуле не хотелось, чтобы Питер каждое утро натыкался на ее вещи. Она свалила собранное у самой лестницы и устроила еще один обход жилой зоны, подбирая совсем уж ерунду: бейсболку, кружку, заколку, гигиеническую помаду. Зула двигалась все медленней, тянула время – как только она закончит, придется нести все вниз, где Питер возится со снаряжением, и будет неловко; она так вымоталась, что аккуратно обойти эту неловкость не хватит сил, а оставаться в его памяти злобной стервой нет никакого желания.

Подойдя к кучке своего скарба в предпоследний, как она решила, раз, Зула услышала внизу голоса – Питера и еще одного человека. Слов было не разобрать, но второй говорил крайне возбужденно. Тянуло холодом – уличный воздух врывался через открытые ворота и доносил резкий запах несгоревшего бензина, какой издают лишь очень старые машины эры до каталитического конвертера.

В окошко, выходящее в переулок, Зула увидела спортивный кабриолет: фары горят, дверь нараспашку, мотор не заглушен; сам водитель внутри здания спорит с Питером – видимо, тот, разгружаясь, перегородил проезд своим «кайеном». Автомобили стояли нос к носу. Мужчина злился, по-

тому что, как решила Зула, не мог проехать, очень спешил и был пьян. Либо, судя по зашкаливавшей злобе, на метамфетамине. Разобрать, о чем они говорят, Зула не могла. Питер оторопел, но все же пытался вести себя благоразумно и успокаивать незнакомца. Тот раздражался воплями, и Зула его не понимала – человек говорил с акцентом (теперь это стало ясно), и хотя она владела английским почти безупречно, кое-какие слабые места у нее имелись. Одно из них – как раз акценты.

Зула уже собиралась набрать 911, но услышала, как незнакомец сказал «голосовая почта».

– ...выключил... – объяснял Питер по-прежнему спокойно и рассудительно.

– ...от самого Ванкувера мочило этим паршивым дождем, – ныл незнакомец.

Зула снова подошла к окну и рассмотрела номер машины. Британская Колумбия.

Тот самый мужик. Уоллес.

У него возникла проблема с передачей данных. Стало быть, это просто клиент, которому понадобился совет. Нет, скорее техподдержка, поскольку Уоллес жаловался на «поганный вирус или типа того».

Напряжение пошло на спад. Адреналиновый запал, на котором гость мчал от самого Ванкувера, иссяк. Мужчины договорились обсудить все спокойно. Уоллес заглушил мотор, выключил фары кабриолета и зашел внутрь здания.

– А это еще чья машина? – спросил он. Теперь, когда Питер опустил ворота, слова зазвучали разборчиво, и ухо Зулы начало настраиваться на шотландский акцент.

– Зулы.

– Той девчонки? Она тут?

– Нет, я подбросил ее до дома.

Против своей воли Зула приняла это вранье с благодарностью и восхищением.

– Она часто оставляет у меня машину, когда ею не пользуется.

– Дико хочется отлить.

– Писсуар вон там.

– Недурно.

Этим техническим новшеством, одиноко стоявшим в центре мастерской, Питер гордился особо. Зула услышала, как Уоллес расстегивает молнию, как струя бьет в писсуар, и подумала: «Забавно было бы появиться именно теперь». Однако ее машину загораживал кабриолет.

– Я полагал, что вы меня надули, – сообщил Уоллес, не отрываясь от процесса. – Но теперь допускаю, что все обстоит иначе.

– Это хорошо. Поскольку ничего дурного я не замышлял.

– Не считая кражи личных данных кучи людей.

– Да.

– Меня-то убедить несложно: это вам уже удалось, – но тех, с кем я работаю... тут совсем другая история. – Уоллес

закончил, застегнул штаны, повернулся, и его голос зазвучал иначе.

– Вы же вроде говорили, что работаете на себя.

– Я соврал.

– Вон оно что, – проговорил Питер, немного помолчав.

– Мне пришло уже три неприятных письма от человека в Торонто. Он хочет знать, где чертовы номера кредиток. Отправлю-ка я ему последние новости прямо сейчас... если наглое вранье можно назвать новостями.

Некоторое время они молчали – видимо, Уоллес набирал сообщение.

– Мне не совсем ясно, почему вы просто не отправили ему данные, – сказал Питер. – Может, расскажете все по порядку? Вы примчались, устроили скандал – я ничего не понял.

– Сейчас, подождите, – буркнул Уоллес.

– Вот пароль на мой Wi-Fi.

Зула услышала, как по столу прошелестел листок.

– Уже не надо. Я вышел через какого-то Варщика.

– Зря. Моя точка доступа гораздо надежней.

– Варщик... Повар, что ли?

– Сварщик, это мой арендатор. Никак не созреет поставить пароль на свой Wi-Fi.

– Не такой замороченный на безопасности, как мы с вами, а?

Питер не ответил – он, как и Зула, почуял в его словах западню.

Поначалу Зула хотела звонить в полицию, но поняла, что это все-таки Уоллес, а не какой-нибудь буйный придурок с улицы. Теперь она снова подумала, не набрать ли 911, однако Уоллес уже успокоился, а если кто и нарушил закон, так это Питер. Разрыва вполне достаточно. Сажать парня за решетку – это чересчур.

– Значит, по порядку? Ладно, слушайте. – Уоллес немного помолчал, потом спросил: – В холодильнике есть пиво?

– Вы пьете? – удивился Питер и, не получив ответа, прибавил: – Угощайтесь.

Уоллес хлопнул дверцей и, открывая пиво, продолжил:

– Вы сами видели, как я перекинул файлы в свой ноутбук – тогда, в таверне. Я проверил содержимое, закрыл компьютер, пошел к машине. Потом поехал в Ванкувер – по дороге останавливался только раз, на заправке, из машины не выходил, ноутбук из вида не выпускал. Припарковался в гараже своего многоквартирника, поднялся к себе, компьютер нес в руках. Поставил его на стол, подключил провода, открыл, проверил, все ли на месте.

– Провода. Не могли бы вы перечислить, какие именно провода? – Питер переключился в режим предельной вежливости и дотошности а-ля индийская техподдержка.

– Питание, сеть, внешний монитор, кабель фаерваер.

– Значит, сеть. Разве у вас не Wi-Fi?

– Издеваетесь?

– Просто уточняю. У вас есть брандмауэр или какие-то

другие средства против внешних атак?

– Конечно. Защита, как в крупных компаниях. Каждый месяц отваливаю бешеные деньги и плачу парнишке, который ее поддерживает. Абсолютно непроницаемая. Не подвела ни разу.

– А что вы подключали по фаерваеру?

– Диск для резервного копирования.

– То есть вы делаете копии не по Сети?

– Да что ж вы никак не поймете – я ведь говорил, на кого работаю, разве нет?

– Говорили.

Питер не рассказывал Зуле, что у Уоллеса есть заказчик, поэтому она ничего не поняла, однако тон заставил ее насторожиться.

– Есть две вещи, объяснять которые *ему* было бы крайне нежелательно: во-первых, что я потерял важные данные, поскольку забыл сделать копию, во-вторых, что до его файлов добрался человек со стороны, так как я скопировал их на удаленный сервер, физически не находящийся под моим контролем. Поэтому вариантов не много.

– Физический контроль – единственный надежный способ, – успокаивающе заметил Питер. – А на каком носителе хранятся данные?

– На довольно дорогом массиве «RAID 3». Он стоит у меня в квартире в сейфе, прикрученном к бетонной стене и к полу. Когда прихожу домой, я открываю сейф, достаю отту-

да кабель, подключаю к ноутбуку, делаю резервную копию и прячу все обратно.

Питер, обдумав, вынес вердикт:

– Необычно, но весьма разумно. Чтобы украсть массив, пришлось бы сильно повредить сейф, то есть скорее всего испортить диски.

– На то и рассчитано.

– Итак, придя домой, вы первым делом хотели открыть сейф и создать дубликат файла. То есть, если бы у компьютера полетел винт, у вас была бы копия.

– Вы сами сказали, что у меня теперь единственный экземпляр. – Уоллес почти оправдывался.

– В мире, где правят законы Мерфи, немедленно сделать копию – правильное решение, – согласился Питер.

– Он ждал, что я отправлю файл на один сервер в Бухаресте к... по нашему времени это... к двум ночи. А тогда было двенадцать.

– Масса времени.

– Вот и я так подумал. Поставил копирование, вышел из комнаты, отлил, прослушал автоответчик, достал кое-что из дорожных сумок, сделал себе коктейль, просмотрел почту – на это ушло минут пятнадцать. Потом я вернулся в кабинет, сел за ноут, запустил окно терминала. Для пересылки файлов предпочитаю копирование по безопасному протоколу SSH из командной строки.

– Так и надо.

– Первым делом проверил содержание папки «Документы» – хотел освежить в памяти имя и размер файла, который вы мне продали. Я проверил и увидел... сами посмотрите.

Видимо, ноутбук Уоллеса уже стоял раскрытым на столе.

– Хмм... – протянул Питер после небольшой паузы.

– При этом вчера в «Документах» лежало с десятков папок и вдвое больше файлов.

– В том числе и мой.

– Да.

– А теперь тут два файла и больше ничего. Первый – troll.gpg, второй...

– «README», – закончил за него Уоллес. – Прочти, мол. Ну я и прочел, чтоб его.

Питер хмыкнул.

– Да, по идее он должен был называться: «README». Но тут опечатка: две буквы переставлены, видите?

– «REAMDE», – произнес Уоллес.

Питер дважды щелкнул по файлу, и Зула представила, как наступившей тишине он просматривает содержимое документа.

Название «REAMDE» о чем-то смутно ей напомнило. Зула осторожно протянула руку к сумке, стоявшей совсем рядом, возле стены, выудила из верхнего отделения свой ноутбук, поставила на пол, села, открыла и первым делом отключила звук. Через несколько секунд компьютер подключился к Wi-Fi Питера. Зула, щелкнув по иконке, вошла в закрытую

сеть Корпорации-9592.

– Как мы уже выяснили, в «Т’Эрру» вы не играете, – сказал Уоллес.

– Никогда ее не понимал.

– Так вот, на картинке изображен тролль. Тролль определенного вида, живущий в определенном месте Т’Эрры, причем, боюсь, довольно труднодоступном. Это я поясняю смысл названия.

– «Ха-ха, салага, тебя нагрел тролль. Я зашифровал все твои файлы. Оставь 1000 з.м. в указанном месте и получишь ключ». Так, понятно.

– Я рад до посинения, что вам понятно, друг мой, поскольку...

– А теперь, – оборвал его Питер, – посмотрим на содержимое второго файла и увидим... – несколько щелчков, – во-первых, что он огромный; во-вторых, что это корректный grg-файл.

– По-вашему, это корректный вид?

– Ну да. Стандартный заголовок, затем несколько гигов вроде бы случайного двоичного кода.

– Несколько гигов?

– Да, он очень большой. В нем, наверное, все, что хранилось в папке «Документы». Если верить написанному в «REAMDE», эти данные были зашифрованы. Ваши файлы взяты в заложники.

Зула, которая уже зашла на Вики-сайт Корпорации-9592,

отправилась в раздел «Вредоносное ПО» с названиями троянов и вирусов. Найти «REAMDE» не составило труда – крупное красное слово стояло на самом верху. Проверив историю, Зула обнаружила, что девяносто процентов записей о «REAMDE» сделаны за последние трое суток – ребята из службы безопасности возились с ним все выходные.

– Как такое вообще возможно? – спрашивал Уоллес, а тем временем наверху Зула читала как.

– Очень даже легко, если в вашу систему внедрился троян, – объяснял Питер. – Старая история. Такие программы делают уже не первый год. У них даже есть название: «программы-вымогатели».

– Первый раз слышу.

– Ими трудно заработать. Требуется перевод денег, а его можно отследить.

– Понимаю. Если живешь с вирусом, есть способы проще.

– Да. Например, ботнеты. Теперь, очевидно, нашли уловку – требовать выкуп виртуальным золотом Т’Эрры.

– То есть возможность существовала давно, но мало кто работал по-крупному, – соображал Уоллес. – А эти ублюдки догадались использовать Т’Эрру для отмывания денег.

– Да. Судя по тому, что вы ехали сюда без остановок и оставили мне, как я теперь вижу, восемь голосовых сообщений, жесткий диск в сейфе тоже заражен.

– Эта программа загадила все, до чего дотянулась. Наверное, попала в систему с той вашей поганой флешки, а по-

том...

– Не надо на меня сваливать. На моем компьютере «Линукс». Другая операционка – другие вредоносные программы.

– Тогда как этот чертов вирус влез в мой ноутбук?

– Не знаю.

А Зула, которая просматривала данные анализа «REAMDE», знала. Например, он распространялся через флешки и другие съемные устройства. Питер брал флешку у Ричарда, чтобы перебросить какие-то файлы Уоллесу. Значит, заражен компьютер Ричарда, только тот не в курсе, поскольку защищен корпоративным антивирусом.

– Да это и не важно, – продолжил Питер. – Главное...

– Важно, если придется выяснять, кто виноват. А клиент наверняка захочет узнать.

– Я лишь говорю, что проблему надо решать.

– Гениальная мысль, малыш. Сейчас без четверти три. Я уже опоздал на сорок пять минут, хотя и выторговал себе немного времени – отправил письмо с какой-то ересью про поломку машины в Оканагане. Но часики тикают. Надо расшифровать файл.

– Нет, надо заплатить выкуп.

– Черта с два.

– Его невозможно расшифровать. Если бы на нас работало Агентство нацбезопасности, тогда, может, справились бы. А так вы влипли, пока не отдадите деньги.

– Мы оба влипли, – поправил Уоллес. – Все слишком сложно, и объяснить *ему* я ничего не смогу. Он не понимает в компьютерах, не слышал ни о «Т’Эрре», ни вообще о многопользовательских онлайн-играх. Может быть, имеет какое-то смутное представление о вирусах. Но он четко понимает одно: деньги заплатил – товара нет.

– Значит, сделаем, как я сказал, – отдадим выкуп.

Долгое молчание.

– Я рассчитывал, что у вас есть копия.

– Я же говорил...

– Да помню я, что вы там говорили! Думал – врете.

– Опять хитрите и хотите выяснить, лгу я или нет?

– Вам, к несчастью, как раз хватает ума, чтобы тупить сильнее, чем настоящий тупица. Мне не до шуток. Я жажду услышать, что вы тогда соврали и копия есть. – Тут Уоллес понизил голос и минуты две неразборчиво рокотал.

Когда он закончил, Питер долго, на разные лады, как актер, подбирающий интонацию, повторял одну и ту же фразу про мать, потом, чуть не плача, произнес:

– Да какая разница!.. Я не врал. Нет у меня копии!

Теперь тирадой о матери разразился Уоллес.

– Значит, надо платить выкуп, – сказал Питер. – Тысяча золотых монет?

– Так там написано.

– Это сколько на наши деньги?

– Семьдесят три доллара.

Через секунду Питер захохотал – как показалось Зуле, неестественно, почти истерично.

– Семьдесят три? Все можно решить за семьдесят три бакса?

– Найти-то деньги не проблема... – ответил Уоллес.

По смеху Питера Зула поняла, что пора звонить в полицию. Лучше всего с домашнего – так диспетчер будет знать адрес. Она встала и на цыпочках подкралась к закутку, где Питер хранил кухонную утварь. Беспроводная трубка висела на стене. Зула взяла ее, включила и поднесла к уху послушать, есть ли сигнал.

Вместо него раздалось пиканье кнопок – с параллельного аппарата кто-то набирал номер.

– Добро пожаловать в службу поддержки компании «Квест», – сказал записанный голос.

– Доброе утро, Зула, – произнес Уоллес. – Я знаю, что вы в здании, – ваш компьютер проявился у Питера в Сети. А еще я присматривал за телефоном. У него есть замечательная лампочка – включается, когда кто-то берет параллельную трубку.

На линии настала мертвая тишина. Зула услышала внизу яростный треск – Уоллес обрывал провод.

– Вы чего творите? – Питер скорее опешил, чем возмутился.

– Ставлю нас в равные условия, – ответил Уоллес и затопал по лестнице.

Велорюкзак, заменявший Зуле сумку, лежал у самых ступеней. Уоллес пошарил внутри, выудил телефон, ключи от машины, потом закрыл и подхватил ноутбук.

– Созреете поговорить – милости прошу вниз, – объявил он и удалился.

Зула услышала, как пикнули и отщелкнулись замки ее «приуса», и вышла из оцепенения. Она пожалела, что не послушала айовскую родню, которая считала Сиэтл немногим спокойнее Мogaдишу и постоянно зудела: получи разрешение, купи пистолет. Зула вынула из рюкзака складной нож, сунула в задний карман джинсов, спустилась вниз и увидела, как Уоллес, хлопнув пассажирской дверью «приуса», запирает замки с брелока и прячет его себе в карман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.